
К ЧИТАТЕЛЮ

Уважаемый читатель! Ты держишь в руках книгу, написанную известным историком Александром Ивановичем Алексеевым. Ее главными героями являются русский мореплаватель, путешественник, исследователь Дальнего Востока адмирал Геннадий Иванович Невельской и его супруга Екатерина Ивановна Невельская, в девичестве Ельчанинова. Многолетние поиски и глубокие исследования, основанные на архивных источниках, позволили автору воссоздать основные события из жизни действующих лиц, их подвигах и большой любви, полно, ярко и целостно представить давно ушедшую эпоху. В работе прослеживается судьба не только потомков Невельских, но и многих участников Амурской экспедиции 1849—1855 гг., результатом которой стало присоединение Приамурья к России.

Выдающийся русский историк В. О. Ключевский как-то отметил, что в жизни ученого человека биографические факты — это его книги. А. И. Алексеев оставил большое рукописное наследие, значительная часть которого еще не опубликована. Над страницами предлагаемой тебе книги ученый работал последние годы жизни. Она стала своеобразным итогом его многолетних трудов, значительную часть которых заняли исследования истории отечественного освоения бассейна реки Амур. В первую очередь работа предназначена для молодого поколения.

Судьба ее необычна. План-проспект этой историко-документальной художественной повести был подготовлен еще 6 декабря 1986 г. По замыслу автора, ее объем должен был составить около тринадцати авторских листов. Первоначальным сроком предоставления рукописи в одно из столичных издательств определялся октябрь 1987 г., но болезнь автора, его занятость на основной работе — в Институте истории АН СССР — не позволили выдержать его. В результате рукопись была завершена к 31 июля 1988 г., а ее объем сократился до пяти авторских листов. Ряд организационных и финансовых неурядиц привел к тому, что работа смогла увидеть свет только много лет спустя и весьма ограниченным тиражом.

О причинах этого сам автор сообщал следующее: «Очень жаль, что все написанное сейчас не издается. Больше того, книга, пролежавшая

в издательстве ровно пять лет, возвратилась ко мне в виде той же посланной рукописи — нет бумаги, невыгодно. Печатают что угодно, всякую пошлятину, но только не рукописи, которые не приносят миллионных доходов. Вот такие дела. Успокаиваю себя тем, что когда-нибудь настанут лучшие времена, и рукописи мои будут изданы. Подумать только — рукопись о Невельском, Казакевиче, Муравьеве-Амурском и других ни одному издательству, в том числе и дальневосточным, сейчас не нужна, а раньше отрывали из рук. Вот что творится. Будем уповать на Бога».

К сожалению, «лучшие времена» не наступили и спустя десятилетия после того, как были написаны эти горькие строки.

«Любовь, Амур, Счастье» — первая книга А. И. Алексеева, вышедшая на Камчатке. Супруга Александра Ивановича, Любовь Ивановна Алексеева, после смерти мужа передала рукопись для опубликования камчатскому краеведу Т. А. Шубиной. Возраст и состояние здоровья Л. И. Алексеевой уже не позволяют ей самой активно заниматься вопросами книгоиздания.

Александр Иванович называл жену своей спасительницей, хранительницей и личным секретарем. Так оно и было. Любовь Ивановна помогала ему вести переписку, ездила и работала с ним в архивах разных городов. Л. И. Алексеевой особенно дорого все, что связано с именем мужа. И Камчатку она любит так же, как любил ее Александр Иванович. Потому, наверное, она и отдала рукопись в руки камчатских краеведов. Отдала безвозмездно, с единственным условием, чтобы после выхода работы ей были высланы несколько ее экземпляров. Теперь для нее одним из самых главных, самых важных дел стало то, чтобы законченные рукописи мужа были опубликованы и дошли до людей.

Длительная подготовка к изданию завершилось летом 2003 г. Книга пришла к читателю благодаря работе членов Камчатского отделения Русского Географического общества. На общественных началах выполнены: компьютерный набор текста (Т. А. Шубина), редактирование и изготовление издательского макета (С. В. Гаврилов). При редактировании рукописи сохранен «живой» авторский стиль.

А. И. АЛЕКСЕЕВ

(8 марта 1921 г. — 27 мая 1993 г.)

Александр Иванович Алексеев — выдающийся ученый-исследователь, известный географ и историк освоения Дальнего Востока, Камчатки и Русской Америки, историк русского Тихоокеанского флота, доктор исторических и кандидат географических наук. Ученого по праву называют летописцем Дальнего Востока, им написано и издано более сорока книг. Он — ветеран Балтийского и Тихоокеанского флотов, Почетный гражданин города Советская Гавань.

А. И. Алексеев родился в селе Щурово Борисоглебского района Ярославской области. Его деды и прадеды жили на Ярославщине, он хорошо знал своих предков, так как считал своей обязанностью и долгом хранить родословную и передать ее по наследству. Неординарные память и ум, богатырские здоровье и стать — наследственные черты рода Алексеевых, которые в полной мере унаследовал Александр Иванович. С детства он не только мечтал о путешествиях и дальних плаваниях, но и готовился к ним. Особенно ему хотелось увидеть Арктику. В пятнадцатилетнем возрасте он был готов поступить в морское училище: перечитал все, что смог достать о кругосветках, морских сражениях, великих мореплавателях, даже раньше закончил школу для того, чтобы поскорее попасть в Военно-Морской флот. Но первая попытка стать курсантом провалилась: при приеме в военные училища существовали возрастные ограничения, поэтому пятнадцатилетнего юношу туда попросту не взяли.

Но все же его мечты осуществились. Сначала он закончил ленинградское Высшее Военно-Морское училище имени М. В. Фрунзе (1938—1941 гг.), а после Великой Отечественной войны — гидрографический факультет Военно-Морской Академии кораблестроения и вооружения имени А. Н. Крылова (1947—1950 гг.). Военно-морское училище имени М. В. Фрунзе (ныне Корпус Петра Великого) — старейшее учебное заведение России, бывший морской кадетский корпус, из стен которого вышли многие великие мореплаватели, среди них и адмирал Г. И. Невельской, жизнь и судьба которого особенно интересовали А. И. Алексеева на протяжении всей его жизни.

Учиться А. И. Алексеев любил, ему одинаково легко давались и точные, и гуманитарные науки. За оригинальность мышления его выделяли преподаватели, а блестящая память была предметом легкой зависти сокурсников. В ближайшем будущем курсантов ждали

настоящие морские походы, возможно открытия, если бы не разразившаяся в 1941 г. Великая Отечественная война.

С ее первых и до последних дней Александр Иванович находился на фронте. Училище он заканчивал в Астрахани, путь к которой лежал через огненную Ладожскую дорогу. Осенью 1941 г. он отбывает в действующую армию, в морскую пехоту, где находился в составе 66-й отдельной морской стрелковой бригады. Воевал на Карельском и Северо-Кавказском фронтах, участвовал в Сталинградской битве и обороне Ленинграда. Был дважды ранен, получил очень тяжелую контузию, сопровождавшуюся потерей речи. После излечения в Ульяновске в госпитале № 999 А. И. Алексеев был направлен на курсы усовершенствования начальствующего состава при родном военно-морском училище, эвакуированном в Баку. Здесь он учился на картографическом отделении, а в 1943 г. получил назначение на должность старшего редактора Северо-Западного картографического издательского производства Гидрографического Управления ВМФ.

Дорога в блокадный Ленинград вновь лежала через огненную Ладогу. В сентябре 1944 г. А. И. Алексеев, желая попасть в родную стихию, на море, подает рапорт о переводе на Балтийский флот. С этого времени по ноябрь 1947 г. он служил на гидрографических судах Балтийского флота: «Рулевой», «Боцман», «Секстан», «Барограф». Менялись корабли, менялись должности: старший помощник, командир корабля, штурман отряда. Днем и ночью несли боевую вахту военные корабли на Балтике, воды которой были напичканы минами. Ежедневная работа по тралению мин была не только сложна, но и крайне опасна, поэтому напряжение не покидало моряков ни на минуту. Долгожданный День Победы 1945 г. А. И. Алексеев встретил в Ленинграде.

После Балтики его военная служба продолжалась на Тихоокеанском флоте. На Дальний Восток, в г. Советскую Гавань, он попал после окончания академии, заняв должность старшего офицера гидрографического отдела Северо-Тихоокеанской флотилии. Здесь за пять лет службы Александр Иванович познал нравы Охотского и Японского морей, избородил, по его словам «исползал», прибрежные воды этих морей, в особенности Татарский пролив и лиман Амура. Он хорошо знал не только Охотское побережье, где выбирал места для установки маяков, но и биографии первооткрывателей этих мест. В его каюте всегда находили место исторические книги о русских, английских, испанских и голландских мореходах. Непреодолимое желание подробнее узнать о судьбах соотечественников, совершивших мировые гео-

графические открытия и основавших дальневосточные порты, привело его к исследовательской работе. Моряку не давала покоя история порта и города Советская Гавань. Ответы он искал в исторической литературе, делал запросы в десятки архивов, все свои отпуска проводил в архивах Хабаровска, Иркутска, Томска, Москвы, Ленинграда. Вскоре стали публиковаться его ранние научно-исследовательские работы, а в 1955 г. в Хабаровске вышла первая книга «Н. К. Бошняк и открытие Советской Гавани».

Серьезное увлечение А. И. Алексеева историей освоения Дальнего Востока началось в годы учебы в академии, а служба на Тихоокеанском флоте окончательно определила круг его будущих научных интересов. В 1956 г. из-за боевых ранений ему пришлось оставить военную службу (он получил вторую группу инвалидности). Отныне делом всей его дальнейшей жизни станут научно-исследовательская работа в области дальневосточной истории и географии, литературная деятельность. После демобилизации в звании капитана 3-го ранга А. И. Алексеев с семьей переезжает в Москву. Как перспективного научного сотрудника его пригласили в Институт истории СССР Академии наук СССР. А. И. Алексееву тридцать пять лет. За плечами определенный литературный опыт, умение работать в архивах, знание военно-морского дела и иностранных языков (он знал английский, немецкий и испанский языки, легко читал старославянскую скоропись XVII—XVIII веков), впереди — множество идей и творческих планов.

В 1958 г. выходят его книги «Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота» (г. Хабаровск), «Братья Шмалевы» (г. Магадан); в 1959 г. опубликованы работы «По таежным тропам Сахалина» (г. Южно-Сахалинск), «Адмирал Нагаев» (г. Магадан); в 1961 г. — «Ученый чукча Николай Дауркин» (г. Магадан). Секрет такой работоспособности заключался в умении правильно ставить вопросы и находить на них точные ответы, в способности анализировать и сопоставлять факты. Наверное, была в этом и некоторая доля везения. А вот беречь и ценить время научила флотская служба. В 1959 г., через три года после ухода с флота, он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата географических наук, темой которой стали «Русские географические исследования Берингова, Охотского и Японского морей в XIX в.».

Примерно с 1961 г. Алексеев начинает работать над темой освоения устья Амура. Значимость этой работы была такова, что в 1970 г. он стал доктором исторических наук, защитив во Владивостоке

диссертацию «Амурская экспедиция 1849—1855 годов». Для него это событие имело особенное значение еще и потому, что он стал первым «владивостокским» доктором исторических наук. По материалам, собранным в ходе работы над этой диссертацией, автор позже написал серию книг, посвященных Амурской экспедиции.

Дальний Восток и Русская Америка — звенья одной исторической цепи. Исследование и освоение этих территорий имеют тесную взаимосвязь. К началу 1970-х гг. А. И. Алексеев собрал достаточный объем материала, чтобы приступить к работе над заветной темой. О своем пристрастии к Русской Америке историк писал: «Исподволь, мучительно долго, в течение, по крайней мере, десяти лет, сначала ощупью, а затем более уверенно, подходил я к облюбованной теме — судьбе исконно русских земель на Тихом океане и в Северной Америке. Мне хотелось показать в доступной каждому читателю форме всю историю исследования и освоения русскими людьми Алеутских островов, Аляски, Тихоокеанского побережья Северной Америки, вплоть до Калифорнии. Показать внутреннюю жизнь Русской Америки, рассказать о простых людях, едва ли не каждодневно совершавших подвиги во славу России».

По признанию Алексеева, он «с самого начала своей научной деятельности в сердце своем носил историю российского Дальнего Востока и особенно историю Русской Америки». Конечно, ему хотелось хотя бы раз увидеть своими глазами те места, о которых писал. Но попасть на Аляску в годы «железного занавеса» было делом безнадежным. И даже когда его книга «Судьба Русской Америки» была издана на английском языке в США и Канаде, он не мог и мечтать о том, чтобы побывать в этой самой Русской Америке, историю и географию которой знал так же хорошо, как и свою Москву.

Со временем идея организации научной экспедиции в Русскую Америку становилась реальной. Но все же ждать ее осуществления пришлось долго. Только спустя тридцать пять лет, когда историку с мировым именем уже исполнилось семьдесят лет, он, наконец, увидел страну своей мечты. В июле и августе 1991 г. состоялась тихоокеанская экспедиция «Русская Америка — 250», посвященная 250-летию юбилею плавания пакетботов «Святой Петр» и «Святой Павел». В этой экспедиции Алексеев возглавлял научную часть, находясь на флагманском судне «Академик Ширшов». Утверждению проекта экспедиции, а затем ходу ее подготовки, конечно, помогли его имя и авторитет. Но, по выражению самого Александра Ивановича, «одно-

му Богу известно, сколько сил и энергии потрачено на осуществление этой идеи. Зато и радость встреч была великой». В его архиве хранятся различные материалы и документы о работе экспедиции, многочисленные сувениры и фотографии. Но из большого рукописного материала, названного автором «Тридцать пять лет и четыре часа», посвященного этой экспедиции, он успел опубликовать только одну статью (журнал «Русская Америка» за 1993 г.).

Легенды ходили не только про поразительную работоспособность ученого, но и про его уникальный архив. Он хорошо известен отечественным специалистам. В него вошли материалы, профессионально и скрупулезно собиравшиеся в течение более сорока лет, в которых нашли отражение история, география, гидрография, картография северной части Тихого океана и Русской Америки, всего Дальнего Востока, в том числе строительство БАМа. Прежде всего, здесь хранится богатейший картографический материал; многочисленные выписки из документов архивов бывшего СССР; переписка с учеными, учреждениями, партийными и общественными организациями с 1950 г. Особую ценность представляют систематизированные личные фонды Н. Н. Муравьева-Амурского, Г. И. Невельского, П. В. Казакевича (по словам ученого, «этот фонд практически не публиковался и почти не использован исследователями»), И. Ф. Лихачева (командующего Тихоокеанской эскадрой), фонд Русской Америки. Здесь собраны не только архивные материалы, но и адреса потомков первооткрывателей, живущих ныне в России и за ее пределами. Личный фонд Г. И. Невельского — одного из любимейших персонажей Алексеева — является уникальным собранием материалов, связанных с деятельностью прославленного адмирала и его сподвижников, окружением мореплавателя и его семьей.

Самостоятельной частью архива являются фотокопии, микрофильмы, коллекции портретов и фотографий, охватывающие практически всех исследователей Дальнего Востока, северной части Тихого океана и Русской Америки. В фонды собрания также входят авторские рукописи всех книг и личная библиотека.

Значимость архива в том, что Алексеевым впервые созданы персональные фонды многих выдающихся исторических личностей. Материалы для них собраны воедино из разных хранилищ страны. Возможно, что со временем алексеевский архив послужит основой, на которой будет создано специализированное собрание документов и материалов о выдающихся деятелях Дальнего Востока. После смерти

ученого его собрание, пополненное личными документами исследователя, стало достоянием Государственного архива Сахалинской области (г. Южно-Сахалинск).

Несмотря на большую загруженность на основной работе, ученый всегда находил время для общественной деятельности. Александр Иванович был членом различных ученых Советов и Ассоциаций, везде успевая активно работать. Он входил в правление Ассоциации путешественников СССР, являлся членом Ученого совета Московского филиала Географического общества СССР. Его архивом пользовались историки, литераторы, краеведы не только из Москвы, но и исследователи, приезжавшие с Камчатки. А. И. Алексеев никогда и никому не отказывал в консультациях. До самой смерти он неизменно и аккуратно поддерживал дружеские рабочие отношения с архивами, музеями, библиотеками дальневосточных городов, был в курсе краеведческой работы на местах, вел обширную переписку, нередко сам приезжал на Дальний Восток. Александр Иванович не раз бывал и в Петропавловске-Камчатском.

При жизни А. И. Алексеева было опубликовано в различных научных, научно-популярных, художественных изданиях более трехсот работ, свыше сорока книг по истории Дальнего Востока и Русской Америки. Четыре из них вышли в США, Канаде, Франции, две — опубликованы на молдавском и чукотском языках. Эти книги показывают историю географических открытий, процессы формирования населения, характеризуют особенности развития экономики исследуемых территорий, то есть раскрывают сущность их освоения. Труды ученого посвящены истории гидрографических исследований дальневосточных морей и северной части Тихого океана, а также морей Восточного сектора Арктики. Заслуженным вниманием читателей пользуются научные биографии мореплавателей Ф. П. Литке, Г. И. Невельского, Г. А. Сарычева, Н. К. Бошняка, составляющие золотой фонд серии «Научно-биографическая литература». Александр Иванович автор многих рецензий и юбилейных статей.

Историк открыл новые, ранее неизвестные, имена русских подвижников, верой и правдой служивших России. Среди них препаратор И. Г. Вознесенский, мореплаватели А. Ф. Кашеваров, И. Ф. Васильев, братья В. и Т. Шмалевы, ученые Н. В. Слюнин, К. И. Богданович, И. П. Толмачев и многие другие. Сегодня многие работы ученого являются для нас единственными источниками исторических знаний. Его ранние работы давно стали библиографической редкостью. Твор-

чество ученого высоко ценили отечественные и зарубежные коллеги. Академик А. П. Окладников писал: «Его книги представляют собой ценный вклад в историю и историческую географию не только нашей страны, но и всего Тихоокеанского бассейна».

А. И. Алексеев был замечательным рассказчиком и повествователем. По шутливой характеристике друзей, он был «умен, талантлив, могуч, vezуч, да еще и историк». Историки «проживают» часть своей жизни в прошлых веках. Потому они свободно, в подробностях излагают ход давно прошедших событий, показывают их причины, делают выводы. Так они открывают ушедшие эпохи своим современникам. Александр Иванович показал нам историю освоения Тихоокеанского бассейна.

Кроме серьезных научных монографий, А. И. Алексеев писал книги, которые можно отнести к научно-популярному или художественному жанру. Их язык выразителен, ярок, понятен широкому кругу читателей. Поколения любителей отечественной истории 1950—1970 гг. выросли на этих работах, ими буквально зачитывались, они переходили из рук в руки. Блестящая подача материала мгновенно увлекала читателя в историческое прошлое. Именно благодаря работам этого талантливого исследователя и писателя в краеведение пришли многие и многие исследователи со всей страны. Последним по времени выпуска является второе издание работы «“Якоря помалу травить”». Так начинался Владивосток», напечатанное во Владивостоке в 2000 г.

Богатейшее наследие А. И. Алексеева еще предстоит изучить, но уже сейчас совершенно бесспорно, что оно всегда будет являться отправной точкой для исследователей будущих поколений.

Т. А. Шубина

ОТ АВТОРА

Позволяю сказать от себя несколько слов в напутствие начинающим читать эту книгу. Можно принять их и за своеобразную аннотацию к ней. Книга, которую Вы раскрываете или уже раскрыли, предназначена для юношей и девушек, особенно для тех из них, которые не только «прошли» или «проходят» географию и историю в школах, училищах, техникумах, но тех, которые любят странствовать, узнавать, познавать свою родную страну. Страну великую, удивительную, прекрасную, такую милую и гордую, строгую и величественную и красоты неописуемой. Каждый уголок Родины по-своему красив, в каждый влюбляются и в каждом навечно оставляют свои сердца молодые люди.

А в этой книге Вы прочтете о Дальнем Востоке, для многих еще и сейчас таинственном. Я долго жил там, бываю и сейчас, и признаюсь, что с каждым посещением люблю этот край все больше и сильнее. А в книге я расскажу правду о том, как начиналась русская жизнь на Амуре, в Приамурском крае, расскажу о чистой, святой любви Геннадия Ивановича Невельского и Екатерины Ивановны Ельчаниновой, их жизни на Амуре, об их товарищах, о действиях Амурской экспедиции, состоявшейся в середине прошлого столетия (XIX века. — *Ред.*), результатом которой в конце концов стало присоединение огромного края к России.

Хочу подчеркнуть еще раз, что в книге читатель не найдет ни одного слова вымысла, что автор не навязывает своим героям свою речь: они пишут, действуют и иногда говорят только так, как это было на самом деле. Ибо за них говорят многочисленные архивные документы, материалы, личные письма, официальные распоряжения, донесения, отчеты, карты, фотографии и еще многие и многие документы, найденные автором за тридцать пять лет работы над историей тех событий, которые проходили на Дальнем Востоке в середине XIX столетия.

И ЕЩЕ: ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Для юношества всегда были и остаются путеводными вехами жизни замечательных людей. Несомненно, одним из таких героев является Геннадий Иванович Невельской — мореплаватель, ставший адмиралом, путешественник, исследователь Дальнего Востока.

Действуя вопреки мнениям европейских авторитетов, часто на свой страх и риск, он с помощью преданных сослуживцев восстановил историческую справедливость, подтвердил и научно обосновал сведения, дошедшие со времен В. Д. Пояркова, Е. П. Хабарова, О. Степанова и других русских землепроходцев и мореходов XVII столетия. Следовательно, он утвердил и приоритет русских людей в том, что Сахалин — остров, а не полуостров, о чем говорили старые китайские карты, сведения Ж. Ф. Лаперуза, У. Р. Браутона и И. Ф. Крузенштерна. И река Амур не теряется в песках своего лимана, а доступна для плавания морских судов, и вход в нее возможен как с севера, так и с юга.

Невельской не остановился на полпути: он настоял на организации специальной, названной Амурской, экспедиции, во главе которой сам и был поставлен. В течение 1850—1855 годов эта экспедиция, ее активные участники — офицеры, чиновники, матросы, казаки, местные жители — произвели первые значительные гидрографические исследования Амура, его лимана, Приамурья и всего Сахалина, а также южной части Охотского моря, включая часть Шантарских островов. Повсюду была описана местность, которую нанесли на карту.

Первым русским населенным пунктом в этих краях стало селение Петровское, устроенное на продуваемой всеми ветрами кошке залива Счастья (так назвал Невельской бывший залив Искай). Ниже я скажу, что ранними русскими поселениями на Амуре были долго там стоявшие Албазин, Солдатское, Покровское, Игнашино и другие. Расскажу и об их судьбе. После такого рассказа яснее станут действия Невельского и его доблестных сподвижников. За Петровским зимовьем последовало основание других русских военных постов: Николаевского, Александровского, Мариинского, Ильинского, Константиновского, Муравьевского.

Действия Амурской экспедиции, возглавляемой Г. И. Невельским, горячо, всемерно, на самом высоком уровне поддержанные генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьевым, явились краеугольным камнем в деле присоединения Приамурья и Сахалина, а затем и Приморья к России. Они привели, в конце концов, к подписанию

в 1858 и в 1860 годах равноправных, взаимовыгодных русско-китайских Айгунского и Пекинского договоров, имевших чрезвычайно важные последствия для России и Китая.

Невельскому в нашей стране поставлено двенадцать памятников, находится в стадии оформления памятник в городе Кинешме, в городе Солигаличе Костромской области открыт мемориальный музей его имени, именем адмирала названо Высшее инженерное мореходное училище во Владивостоке. Особый диплом имени Г. И. Невельского установлен Приамурским (Хабаровским) филиалом Русского Географического общества, именами Невельского и его сподвижников называют корабли, улицы, города, поселки. Их имена несут многие географические объекты. Они любимы и почитаемы на Дальнем Востоке. Центром сбора материалов о Невельском и его сподвижниках стали краеведческие музеи во Владивостоке и в Южно-Сахалинске. Много для увековечения памяти мореплавателя делается в Советской Гавани, но хочется ждать большего от музеев Хабаровска, Николаевска-на-Амуре и древнего исторического Охотска.

Хотелось бы порассуждать еще и на такую тему. Кто у нас знает, что в XVII веке на Амуре были установлены и долгое время действовали Усть-Стрелочный пост, Кумарский острог, Усть-Зейский пост, Албазин и другие русские военные посты и селения. Где их следы? Знают ли об этом жители этих мест сегодня, знают ли об этом историки, краеведы? А знать это надо, обязательно надо. И не только знать, но и обозначить хоть каким-нибудь памятным знаком те места, куда впервые пришли наши предки...

И еще чуть-чуть. Все годы действия Амурской экспедиции вместе с Невельским была его жена, совсем юная Екатерина Ивановна Ельчанинова (Невельская). Она прибыла с ним в залив Счастья, в зимовье Петровское, жила в Николаевском и Мариинском постах. Она самым положительным образом влияла не только на солдатских и матросских жен, но и на местных жительниц. Тут, на Петровской косе, она похоронила первую дочь Катеньку, родила вторую — Оленьку.

Всего Екатерина Ивановна воспитала троих дочерей и сына, после смерти мужа издала его книгу, пережив Геннадия Ивановича всего на три года. Они всегда были вместе. Трудная, но и самая светлая их любовь, вспыхнувшая в Иркутске, пришлась на залив Счастья и на широкий, привольный Амур. Отсюда — и название этой книги.

ГЛАВА 1. С АМУРОМ В СЕРДЦЕ

Поляна была широкой, заросшей травами и цветами. С нее открывался прекрасный вид на красивую речку и небольшое село Герасимово. Наверное, все так было и тогда, когда на опушке леса, на самом краю поляны стоял барский дом с дворовыми усадебными постройками. Теперь от имения в нескольких местах остались ямы-колодцы, заросшие и почти высохшие пруды, спрятавшиеся в зарослях кустарника. Кое-где можно угадать остатки фундамента и парковых дорожек аллей. Я ходил по остаткам усадьбы и думал: как же могло случиться, что из такой глуши шагнул в историю моряк, навсегда вошедший в судьбу русского Дальнего Востока и отечественного военно-морского флота?

Усадьба Невельских привольно располагалась в двадцати верстах от уездного города Солигалича Костромской губернии, на месте пустоши Дракино. Солигалич возник в связи с развитием соляного промысла — соляные варницы, располагавшиеся здесь, упоминаются еще в 1332 году — отсюда пошло и название. Сначала это были Соли Галицкие, так как промыслы находились на территории Галицкого княжества, центром которого являлся город Галич. Постепенно эти два слова соединились. Основание же Солигаличу было положено в 1335 году. Затем город был куплен Иваном Калитой и присоединен к Москве. При Василии Темном он вместе с Галичем окончательно вошел в состав Московского государства. А с 1778 года Солигалич становится уездным городом Костромской губернии.

Невельские — старинный дворянский род, обосновавшийся на Костромской земле в XVI веке при царе Иване IV (Грозном). В роду Невельских существовала легенда, что кому-то из них удалось спасти жизнь царю Алексею Михайловичу. Так вот, пустошь Дракино и была подарена этим царем основателю той ветви Невельских, к которой принадлежал и Геннадий Иванович Невельской. Первым Невельским, служившим на флоте еще при Петре I боцманом, стал Григорий Дмитриевич Невельской.

Большинство Невельских, как и другие дворяне в XVIII веке, начинали службу с того, что их в раннем детстве «записывали на службу» солдатами. Они выходили в отставку сержантами, прапорщиками и, реже, — в более высоких чинах. Прадед Геннадия Невельского, брат петровского боцмана, — Василий Дмитриевич — служил в кавалерии

и ушел в отставку вахмистром. А дед — Алексей Васильевич Невельской, родившийся в местечке Крутово в 1744 году, начав служить солдатом, офицерский чин получил также лишь при выходе в отставку. В возрасте семнадцати лет он был зачислен солдатом в лейб-гвардии Измайловский полк, и служил в нем до 22 октября 1769 года, когда по болезни был уволен в чине прапорщика.

Женившись на Марии Александровне Ахлябининой и получив некоторое приданое, Алексей Васильевич стал единоличным владельцем пустоши Дракино, выкупив ее седьмую часть, принадлежавшую соседу и дальнему родственнику И. С. Мичурину. А. В. Невельской с супругой имели троих сыновей и двух дочерей. Его старший сын Петр (1770—1823) от брака с Ольгой Михайловной имел троих дочерей — двоюродных сестер Геннадия — Марию (в замужестве Шигорину), Елизавету (в замужестве Лихареву) и Александру (в замужестве Воронову); сын Павел (даты жизни не выяснены) женат не был; сын Иван — отец нашего героя Геннадия. Дочь Анна вышла замуж за лейтенанта флота Якова Ивановича Шулепникова, дочь Екатерина была замужем за Иваном Никифоровичем Дурново.

Отец Геннадия Невельского — Иван Алексеевич Невельской родился в 1774, а умер в 1823 году. Он получил образование в Морском корпусе, из которого был выпущен мичманом в 1795 году. Служил во Второй эскадре Балтийского гребного флота, согласно принятым тогда правилам, каждую навигацию плавал на разных кораблях («Евсевий», «Двенадцать апостолов», «Саратов», «Екатерина», «Александр», «Автроил», «Константин») и по каким-то причинам, мною не выясненным, рано, в 1808 году, вышел в отставку в чине лейтенанта. А в 1810 году он женился. Вот с этого места надо рассказывать все подробно — теперь это уже часть биографии нашего героя.

В том же 1808 году братья: лейтенант флота Иван Невельской, капитан-лейтенант Петр Невельской и капитан Таганрогского пехотного полка Павел Невельской пришли к полюбовному соглашению, в результате которого Дракино стало собственностью Ивана, которому пришлось там строить себе новый дом, так как старый (по тому же соглашению) был разобран и перевезен в Крутово, доставшееся Павлу.

Женой Ивана Невельского стала представительница старейшего ярославского и костромского рода дворян — Феодосья Тимофеевна Полозова, дочь заседателя уездного суда Тимофея Михайловича Полозова и Аграфены Андреевны Тарбаевой, отец которой занимал в

уездном суде такую же должность. Не вдаваясь в детали семейных отношений с дальними родственниками, скажем о родных дядях и тетях Геннадия — детях Т. М. и А. А. Полозовых. Екатерина была замужем за Степаном Михайловичем Китаевым, морским офицером, участником Готландского, Эландского и Выборгского сражений в 1788—1790 годах, участником Отечественной войны 1812 года. Их дети — Егор и Константин — также стали морскими офицерами: первый участвовал в прорыве блокады Дарданелл в 1829—1830 годах, а второй — в обороне Кронштадта в 1854—1855 годах. Жили Китаевы всего в сорока верстах от Дракино. Анна Тимофеевна была замужем за Андреем Алексеевичем Дурново, отец которого — Алексей — был родным братом Ивана Никифоровича Дурново, женатого на тетке Геннадия Невельского — Екатерине Алексеевне Невельской. Иными словами, брат мужа тетки Геннадия Невельского по матери был женат на родной его тетке по отцу. Дальше, по мере необходимости, возможно, придется входить и в другие подробности, но сейчас закончим эту несколько утомительную, но необходимую часть нашего рассказа о Невельском такими выводами.

Самые ранние, детские годы Геннадия Невельского проходили в далеком костромском захолустье в поистине морской обстановке. Многих из моряков-костромичей и ярославцев знавали старшие Невельские, со многими они находились в родственных отношениях. Я только слегка приоткрыл завесу над этими отношениями, рассказав о близкой родне. Сделал это еще и потому, чтобы сказать, что в те времена весьма поощрялось такое родство — троюродные братья и сестры, не говоря уже о двоюродных, и даже более отдаленные родственники писали друг другу «любезный брат» или «любезная сестра моя». Это весьма помогало воспитанию патриотизма. Так, например, дальний родственник Гавриил Иванович Невельской, отличившийся в сражении у Наргена 11 июля 1808 года, капитан 1-го ранга, проживавший после отставки также на Костромской земле, также считался своим, близким...

В Государственном архиве Костромской области до пожара, случившегося в июле 1982 года, сохранилось свидетельство о рождении Г. И. Невельского. Вот оно: «1823 года января дня, мы нижеподписавшиеся, свидетельствуем, что из дворян, недоросль Геннадий, законный сын лейтенанта Ивана Алексея сына Невельского, действительно родился тысяча восемьсот третьего на десять года, ноября двадцать третьего числа, в сельце Дракино, крещен церкви села Богородского

священником Устином Андреевым, а при крещении восприемником был майор Григорий Петров сын Горталов. За смертью означенного священника Устина Андреева поступивший на место его села Богородского ризположенской церкви священник Григорий Семенов. Майор Григорий Петров сын Горталов».

Здесь как раз и надо рассказать об одном факте из биографии Г. И. Невельского. Речь идет о дате его рождения. Дело в том, что на надгробии на его могиле она высечена неверно — 1814 год вместо 1813. Я уже говорил об этом факте¹, но не сказать о нем еще раз в этой книге просто невозможно, хотя бы весьма кратко. Все дело заключается в том, что при поступлении в 1829 году Геннадия Невельского в Морской корпус по целому ряду причин, одной из которых, и видимо главной, было опоздание с подачей заявления, туда представили свидетельство о рождении, в котором указали число лет, устраивавшее корпус. В результате возраст Геннадия был уменьшен ровно на год. Год рождения 1814 перешел во все официальные документы Г. И. Невельского. Это нашло свое отражение и в надписи на надгробии. Правда, впоследствии Невельской называл свой правильный возраст, но повсюду почему-то сохранились и перекочевали во многие книги неверные, но зато официальные сведения о дате его рождения².

Раньше Геннадия родилась его сестра Мария — в 1811 году. Затем были Елизавета, умершая в раннем детстве, Ольга и Лариза (Лариса и даже Раиса, как иногда пишут даже в официальных документах) — погодки, появившиеся на свет в 1816 и 1817 годах. Последним был Алексей, родившийся в 1820 году. А кроме родных сестричек и маленького брата имелась еще целая группа двоюродных и троюродных, отцы или деды которых имели непосредственное отношение к военно-морскому флоту, — и все они проживали по соседству. Вот в таком окружении и прошло короткое детство Геннадия (иногда писали Енадия) Невельского, короткое, ибо с пятнадцати лет он навсегда расстался с домом, лишь иногда навещая родное гнездо.

Можно лишь по косвенным данным предполагать о том, как проходили эти годы. Вряд ли до поступления в Морской корпус Геннадий обучался в каком-либо учебном заведении, скорее всего, как и большинство дворянских недорослей своего века, он получил домашнее образование. Рассказы и чтения по морской истории и морской тематике, о морской службе вообще, конечно, преобладали в этом воспитании. Ведь совсем недавно было совершено первое русское кругосветное плавание под руководством Ивана Федоровича Крузенштерна

и Юрия Федоровича Лисянского. Когда сведения об этом докатились до Солигалича, то, наверное, родной дядя Петр Алексеевич Невельской вспомнил, что учился в Морском корпусе вместе с братом кругосветного мореплавателя Ананием Лисянским. Нам известно, что сестра Мария воспитывалась в пансионе А. А. Шиповой в Бельнове, который содержался для живущих поблизости дворянских деток. Но имени самого Геннадия в списках учившихся там не обнаружено.

Нет также сведений и о том, выезжал ли юноша Невельской до отъезда в Петербург, то есть до 1829 года, куда-либо далеко из родных мест. Конечно, по окрестным имениям Невельские ездили, наверное, часто бывали в Солигаличе, Галиче, Костроме, заезжали к своей многочисленной родне. С большой вероятностью можно предположить, что если при жизни отца и дяди Петра Алексеевича Невельского, умерших в 1823 году, ездили чаще к родным отца, то есть к Невельским, то после 1823 года, когда мальчику едва-едва исполнилось десять лет, стали ездить больше к многочисленной родне матушки — Полозовым. Впрочем, необходимо сказать — это моя догадка — что дедушка Тимофей Михайлович Полозов также скончался в том же злосчастном 1823 году. Мы не знаем подробностей оспенной эпидемии, так коснувшейся семьи Невельских и Полозовых, но можно предположить, что и сестренка Елизавета умерла в детстве от этого же. А если к этому добавить, что и лицо у самого Геннадия было рябым от перенесенной в детстве оспы (об этом свидетельствуют все), то выходит, что в такой догадке есть большая доля правды.

Но и после траурных событий оспенного поветрия в крае, мальчик Невельской нашел человека, который заботился о его воспитании и образовании так же, как это делали отец, дядя и дедушки. Им стал дядя по матери Петр Тимофеевич Полозов, проживавший поблизости от Дракино. Он родился в 1783 году, также учился в Морском корпусе, который окончил в 1802 году, был участником войны со Швецией в 1808 году. Выйдя в отставку, Петр Тимофеевич поселился в Солигаличском уезде. Сестра и брат были дружны, и маленький Геннадий, с детства готовившийся поступать в Морской корпус, много времени проводил у дяди, имевшего большую морскую библиотеку.

Кстати, и другой дядя по материнской линии — Иван Тимофеевич — также окончил Морской корпус. В 1812 году он служил на Черном море и умер от чумы во время войны с Турцией в 1829 году, не оставив наследства. Он часто бывал в родных краях. А в соседнем Галичском уезде проживал третий дядя — Василий Тимофеевич,

участник Костромского ополчения 1812 года. У него были дочери Анна и Екатерина — двоюродные сестры Геннадия.

Чаще всего Геннадия с другими детьми приходилось бывать в соседнем селе Лосево, где был приход и куда в церковь по большим праздникам ездили Невельские и Полозовы. На обычные церковные службы они отправлялись в рядом расположенные села Богородское или Герасимово. Мать Геннадия Феодосья Тимофеевна была подстать другим деспотичным помещицам того времени. Мало было среди них таких, которые жалели бы своих крепостных, относились бы к ним как к людям. Наверное, и Невельской на примерах своей матери, родных, близких и соседей постигал несложную науку обращения с крепостными крестьянами, в которых они видели людей, обязанных одевать, обувать и кормить помещика.

Он был свидетелем того, как продавались, покупались и дарились крепостные. Наблюдал он и то, как на дворе секли розгами в чем-то провинившихся, по мнению помещика, крестьян. Зуботычины и подзатыльники доставались им на каждом шагу. Так, 16 сентября 1823 года двоюродная сестра Геннадия — Александра Петровна (дочь Петра Алексеевича Невельского), по мужу Воронова — продала своей бабушке всех крепостных из принадлежащей ей деревни Ескино. Продавали и дарили отдельных людей: 1 ноября 1834 года Мария Ивановна Невельская подарила своей сестре Ольге Ивановне крестьянина Никиту Пантелеева с женой Василисой и детьми. Той же Ольге Ивановне Невельской 1 мая 1835 года подарила «капитаньша Марья Тимофеева, дочь, вдова Китаева (то есть родная тетка по матери. — А. А.) — крепостного своего Костромской губернии Солигаличского округа сельца Запольского дворового человека Федора Михайлова — холостого, доставшегося мне по наследству от покойных родителей прапорщика Тимофея Михайловича и Аграфены Алексеевны Полозовых...»

Часто мать Геннадия Невельского изображают злой Сальтычихой, приводя в пример историю с крепостной девушкой Анной Никитиной, утопившейся, но не давшейся в руки Феодосье Тимофеевне Невельской. За это последнюю арестовали и начали против нее следствие. Кончилось дело тем, что ее дочь Мария Ивановна, вышедшая к тому времени замуж за кинешемского помещика отставного капитана 2-го ранга Павла Антоновича Купреянова, взяла свою мать на поруки и увезла ее на постоянное место жительства в Кинешму. Со временем сюда переместилось все гнездо Г. И. Невельского. Мать и сын стали

совладельцами кинешемской усадьбы, а позже Невельской купил себе еще несколько деревень и построил отдельную усадьбу в Заволжье — Рогозиниху.

Рассказал же я обо всем этом затем, чтобы напомнить читателям о суровой истории нашей Родины, о том времени, когда существовало крепостное право, а также для того, чтобы показать, что Невельской воспитывался в крепостнической семье. Он с малых лет знал, что он помещик, барин, имеющий неограниченную власть над крепостными. Он был сыном своего времени. Стремление же некоторых авторов показать, что Геннадий Невельской с детских лет выделялся гуманностью, и что он уже тогда не находил общего языка с деспотичной матерью, по меньшей мере, наивно.

Но вместе с тем Невельской рос в семье, насквозь пронизанной морскими традициями, в которой служение Отечеству связывалась чаще всего с флотской службой. И Геннадий был готов к ней с раннего детства. Костромская земля, столь богатая своим прошлым, подготовила его к морю. Получив блестящее по тому времени образование, став близким к царской семье, к высшему петербургскому обществу Г. И. Невельской во многом утратил замашки костромского помещика. Он стал одним из немногих передовых и гуманных офицеров, которые не позволяли допускать издевательств над матросами, вчерашними крепостными, хотя и не отказывался сам от розог, когда обстоятельства вынуждали его к этому. Невельской, повторяю, всегда оставался сыном своего века и отлично понимал, какая пропасть лежит между ним — офицером и помещиком — и матросом — вчерашним крепостным.

Как происходило зачисление Геннадия Невельского в Морской корпус, мы уже немного знаем. Нетрудно догадаться, кто провожал туда пятнадцатилетнего подростка — вероятнее всего им был дядя-моряк Петр Тимофеевич Полозов. Проводить его прибыла, вероятно, и вся близживущая родня. Маменька неустанно благословляла своего Енашу, давала советы на все случаи жизни, как вести себя, как деньги экономить, как почитать старших, кого из родственников в столице навещать и к кому обращаться в случае чего. Для обслуги и досмотра к Геннадию был, конечно, приставлен и какой-нибудь крепостной «дядька» — так уж тогда водилось.

Из Костромы в столицу, ежели не было особых дел в белокаменной Москве, чаще всего ездили северным путем. Впрочем, нам ничего неизвестно, как добирался Геннадий Невельской до Петербурга.

Знаем лишь, что он туда прибыл, и с помощью дяди Петра Полозова был помещен в Морской корпус. 8 апреля 1829 года директор корпуса вице-адмирал И. Ф. Крузенштерн (тот самый, который совершил первое русское кругосветное плавание) подписал приказ о зачислении Г. И. Невельского кадетом третьей роты. А первые дни, проведенные в Петербурге, очевидно, прошли в обществе двоюродной сестры Александры Петровны Вороновой (дочь Петра Алексеевича Невельского) и ее мужа, которые знакомили своего родственника с портом, городом, дворцами, крепостью на Неве.

Геннадий, еще в раннем детстве отличавшийся хорошими способностями, прекрасно начитанный, размышлял о предстоящей учебе в корпусе, о жизни в Петербурге, о Кронштадте, о Ревеле (Таллинне), мечтал о дальних плаваниях, о встречах с прославленными мореплавателями. Он обязательно, непременно увидит своего начальника, первого русского кругосветного мореплавателя Ивана Федоровича Крузенштерна, популярного «японского» пленника — строгого и умного исследователя дальневосточных морей Василия Михайловича Головнина, первооткрывателя Антарктиды Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена и Михаила Петровича Лазарева, ученого гидрографа и известного мореплавателя-исследователя Гавриила Андреевича Сарычева и многих других. А может быть, и самому удастся совершить «дальнюю» — так в те времена называли кругосветные плавания. А может быть, на его долю выпадет военно-морская слава. Такая, скажем, какая досталась героям Чесмы, Афонского и Наваринского сражений, битвы за Корфу, боев на Балтике. Имена Чичагова, Гейдена, Грейга, Спиридова, Лазарева и, конечно же, незабвенного Ушакова — пронеслись в голове Невельского и вызывали вихрь воспоминаний о прочитанных книгах, о героических рассказах Невельских-моряков.

Как ни старались по разным причинам уменьшить возраст Геннадия при поступлении в корпус, он все равно попал в первый возрастной разряд — самый старший, который находился в наиболее трудном положении, и на который распространялись все существовавшие ограничения. Чем старше был кандидат в кадеты, тем большие к нему предъявлялись требования об образовании и состоянии здоровья. «Потому предупреждаются родители, родственники и попечители, дабы не затрудняли себя, особенно из мест отдаленных, представлением в Корпус тех поименованных выше недорослей, которые или неблагоприятные подают надежды в своем здоровье, или, судя по возрасту, не имеют полноты сведений, какия требуются помянутыми

правилами, чтобы быть им принятым в комплект»³. Помните разговор о дате рождения Невельского? Вот тут-то, конечно, и сработала подделка — вместо 1813 года стал 1814, перешедший затем во все официальные личные документы и различные сведения о нем.

Для сравнения скажем, что, например, от кандидата 3-го разряда требовались «только знания первых правил арифметики и российской грамматики». И тут пригодились природная одаренность и прекрасная подготовка. Невельской много проигрывал другим кадетам своей внешностью: он был очень маленького роста — два аршина и три с четвертью вершка, то есть около 157 сантиметров, с лицом, испорченным перенесенной в детстве оспой. Несмотря на то что он не получил в детстве систематического образования, Геннадий с первых же дней захватил лидерство в учебе, показав себя более начитанным, более грамотным, чем его однокашники. Зато на строевых занятиях Невельской постоянно находился на левом фланге. Нехватку в росте кадет с успехом компенсировал прилежанием, горячностью, рвением, отменным знанием фронтовых упражнений и строевого устава.

Морской корпус был одним из привилегированных учебных заведений России. Это старейшее — оно и сейчас является таковым — в стране учебное заведение вело свое начало от Московской Навигационной школы. Навигационную школу основал Петр I, она долгое время размещалась в Сухаревой башне, варварски уничтоженной в 1930-х годах, в архитектуре которой просматривалась корабельная символика. С основанием Петербурга Навигационная школа переехала в северную столицу. Одно время она размещалась даже в Кронштадте, носила разные названия — Морская академия, Морской шляхетский корпус, а во времена Невельского — Морской кадетский корпус. Располагался корпус в бывшем доме графа Миниха на Васильевском острове, между 11-й и 12-й Линиями.

Иван Федорович Крузенштерн, первый русский кругосветный мореплаватель, был передовым морским деятелем. Его взгляды сказались и на деятельности возглавляемого им Морского кадетского корпуса, в котором преподавались предметы не только «до морского офицера относящиеся», но и широкий круг общеобразовательных дисциплин, к чтению которых привлекались видные ученые. Обучение проходило в два этапа: на кадетском и гардемаринском курсах.

Сначала изучались общеобразовательные предметы: физика, геометрия, алгебра, тригонометрия, география, артиллерия. К ним также относились Закон Божий, русский и французский языки, история.

Затем, в гардемаринских классах, предпочтение отдавалось специальным дисциплинам: корабельной архитектуре, навигации, мореходной астрономии, хождению и кораблевождению под парусами, морской съемке или гидрографии, морской геодезии, фортификации, военно-судному праву. Регулярно преподавались французский и английский языки, причем последний был в постоянном обиходе, а первый больше предназначался для официальных приемов и светских разговоров. Обязательными были фронтовые учения или шагистика, как в то время называли их кадеты, а нынешние курсанты именуют строевыми занятиями. Шагистику преподавал мичман П. Баласогло, с которым позже Невельской оказался тесно связан. Но об этом чуть позже.

Трудно, очень трудно рассказывать о годах пребывания Невельского в корпусе, о каждом летнем плавании, о пребывании за границей. Все сведения об этом надо «выуживать» из документов, относящихся ко всему курсу, к различным событиям в целом, а в них, этих документах, весьма часто фамилия Невельского упоминается только в списочной численности. Поэтому я думаю, что читателям, наверное, будет интересно узнать о том, какова была общая обстановка на курсе, что видели и знали сначала кадеты, а затем гардемарины, те, кто учился вместе с Невельским, за что их наказывали.

Начнем с последнего. Итак, за что же наказывали кадетов и гардемарин? В книгах приказов по корпусу, в кондуитных списках ⁴ я отмечаю лишь некоторые из множества записей о нарушениях дисциплины. Вот несколько из них. 13 марта 1829 года кадеты Краббе, Тироль, Даценов на уроках читали сочинение Ф. Булгарина в журнале «Сын Отечества». 19 января 1829 года кадет Ленин 2-й был посажен под арест за грубость с дежурным по корпусу. 8 марта 1830 года учителя Лейман и Груздев записали об Аполоне Броневском, удалив его из класса: «Математике с давняго уже времени совершенно ничего не учится. И в Российской грамматике не учится, а от праздности только шалит». Таких или подобных записей существует множество.

И кого только не встретишь среди оштрафованных — и будущих министров, и кругосветных мореплавателей, и ученых! Бывало, что за неделю в кондуите отмечалось свыше тридцати нерадивых и семеро, выставленных из класса. Можно продолжить список примеров. Запись от 29 марта 1831 года: «Резервной роты кадета Левина за гнусный его поступок предписываю наказать примерно розгами и, одев в серую куртку, отправить в 3-ю роту, где г-ну капитану 2-го ранга Коростовцу вторично высечь его розгами и иметь за ним самый бдительный

надзор». А 19 декабря того же года гардемарины Домуховский, Десятов, Гагарин, Ердибенев и Зуев «пели в роте, и когда господин дежурный объяснил им, что сие неприлично, то они не только не убедились этим, напротив, продолжали пение гораздо громче и даже с криком. После же ужина, идучи фронтом из зала, многие из гардемарин шумели, а один из них — Ердибенев — произнес оскорбительное слово на лицо дежурного офицера». В результате все они были разжалованы в кадеты на год, и кроме того, посажены кто на пять, кто на десять суток под арест на хлеб и воду.

Кадетам разрешалось гулять только на Сахарном дворе корпуса. Но и там им доставалось от воспитателей. В связи с этим двором встретился мне и такой приказ: «Кадета 3-й роты Алеева, за то, что он нюхал табак (на Сахарном заводе. — А. А.), предписываю: при собрании роты наказать розгами». А гардемарина Гаврилова приказано было за грубость «против учителя Зарубина посадить под арест, где и содержать на хлебе и на воде впредь до приказа». Особенно ужесточились меры, отмеченные в этих приказах, в 1831 году в связи с эпидемией холеры, гулявшей по Петербургу. Общение воспитанников обоих классов с внешним миром было резко ограничено, но кадеты, по сути своей еще дети, не принимали этого близко к сердцу, почему наказания участились. Но Невельского, как и в 1830 году, в кондуит не записали ни разу.

Как уже указывалось, Невельской учился превосходно. С первого же дня он захватил лидерство в учебе — сказалось домашнее образование и начитанность. За эту начитанность, образованность и главное — любознательность, Невельской прочно обзавелся прозвищем «Архимед». Маленький, юркий, стремительный в движениях, горячий, он вечно что-то доказывал, что-то выспрашивал, постоянно с кем-то и о чем-то спорил. При производстве в мичманы Невельской сдал много книг, не потеряв ни одной, как это видно из огромной ведомости. Невельской, как это ни странно — ведь про его рассеянность современники рассказывали чуть ли не анекдоты — был очень аккуратен: он не потерял не только ни одной книги, но сдал все платки, галстуки и полотенца. За все годы учебы на него не было произведено ни одного денежного начета, в то время, как большинство его сверстников должны были выплатить различные суммы.

Нарушения дисциплины были более частыми у кадетов, что вполне объяснимо. Вчерашние мальчики, только что расставшиеся с маменьками и няньками, с трудом привыкали к самостоятельной и суровой

жизни. Невельскому же, воспитанному в более тяжелых домашних условиях и имевшему уже пятнадцать лет отроду, нацеленному всем семейным укладом на морскую деятельность и, следовательно, уже в значительной степени подготовленному к дисциплине рассказами родных и близких моряков, жесткие требования устава давались легче. Блестящие способности помогали ему быстро схватывать и усваивать услышанное и прочитанное, оставляя мало времени для проказ. У многих воспитанников в Петербурге жили родственники или хорошие знакомые. У них удавалось послушать и рассказы о 14 декабря 1825 г. — в те времена дело декабристов и суд над ними были еще очень живы в сердцах горожан: редкостью была дворянская семья, не имевшая хотя бы знакомых среди декабристов, смело вышедших в тот памятный зимний день на Сенатскую площадь. Воспитанники посещали театры, были в курсе светских новостей столичной жизни, читали стихи Пушкина, басни Крылова, рукоплескали искусству Истоминой, зачитывались в кофейнях, зачитывались повестями Гоголя.

Огромнейшее влияние на воспитанников имело то обстоятельство, что русские кругосветные плавания становились регулярными. Чаще всего они проводились под флагом Российско-Американской компании, официально образованной указом императора Павла I в 1799 году. Но по мере надобности некоторые корабли совершали такие вояжи под славным русским военно-морским Андреевским флагом. Совсем свежими были плавания и необычайные приключения в плену у японцев В. М. Головнина, плавание М. П. Лазарева на «Суворове», кругосветный поход О. Е. Коцебу на «Рюрик», экспедиции З. И. Понафидина, Л. А. Гагемейстера, последующие кругосветные путешествия. У всех на устах было плавание Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева, во время которого был открыт шестой материк — Антарктида. Только что завершилась экспедиция Ф. П. Врангеля на транспорте «Кроткий». Моряки ожидали возвращения М. Н. Станюковича и Ф. П. Литке из кругосветного похода на шлюпах «Моллер» и «Сенявин».

В эти годы велись большие работы по гидрографической описи морей, омывавших страну, по результатам этих исследований издавались книги. Появлялись новые учебники русских авторов, такие как «Теория и практика кораблевождения» П. Я. Гамалея, «Правила, принадлежащие к морской геодезии» и «Геодезические и гидрографические правила» Г. А. Сарычева. Выходили новые карты и описания.

Особенно возрос интерес к Арктике, к Дальнему Востоку, к Великому, или как чаще тогда называли его русские, — Восточному

океану. Образование Российско-Американской компании, имена Григория Ивановича Шелихова, Александра Андреевича Баранова, книга Г. А. Сарычева об астрономической и географической экспедиции под начальством И. И. Биллингса, затем книга самого Биллингса, сведения об экспедициях П. К. Креницина — М. Д. Левашова, рассказы о жизни и плаваниях в Русской Америке, наконец, книга и атлас само-го И. Ф. Крузенштерна, а затем и труд Ю. Ф. Лисянского, плавания Джеймса Кука, Джорджа Ванкувера, Жана-Франсуа де Лаперуза, нашедшего свой печальный конец на атолле острова Ваникоро... У воспитанников корпуса захватывало дух от всего этого, они мечтали отправиться в дальние плавания...

Геннадий Николаевич читал, нет, он «глотал» эти книги. Все, что находилось, все, что появлялось об Арктике, о Дальнем Востоке, о Русской Америке, об Антарктиде. Герои этих свершений часто были рядом. Редкий день он не встречал Крузенштерна, не единожды видел Беллинсгаузена, знал, что, напротив, через Неву, в Адмиралтействе, сидит Сарычев — глава русской гидрографии, только что возвратился Литке...

Из книг и рассказов офицеров, побывавших в странствиях, Невельской уже знал, что есть много спорного, неясного не только в Арктике и в Антарктике, но и у наших собственных берегов на Дальнем Востоке, в Русской Америке. Сплошным белым пятном представлялись в то время устье и лиман Амура, полуостров Сахалин, сама река Амур, южная часть Курильских островов. Сомнения насчет истинности изображения на карте этого региона возникали у многих русских мореходов и людей, бывавших на Амуре в XVII веке, плававших там и в XVIII столетии, и в начале XIX века... Сомнений было слишком много, чтобы они выглядели простой легендой. Они возникли и у Невельского, несмотря на то, что там, в лимане, побывал Крузенштерн. Но у Геннадия Невельского не хватало смелости обратиться со своими мыслями прямо к адмиралу. Пока он читал и слушал. И чем больше он этим занимался, тем сильнее становились сомнения...

Вместе с Невельским учились Павел Кузнецов — будущий автор учебника по гидрографии, Николай Краббе — будущий военно-морской министр ⁵, Алексей Бутаков — будущий исследователь Каспийского и Аральского морей, Павел Казакевич — впоследствии выдающийся деятель гидрографии... В другой роте состояли Петр Казакевич — будущий сподвижник Невельского по плаванию на «Байкале» и государственный деятель на Дальнем Востоке в 1850—1860-х

годах, Степан Лесовский — будущий участник событий на Амуре и в Америке, а затем военно-морской министр. Мы узнаем и о других однокурсниках Невельского, заявивших затем о себе теми или иными важными делами.

Первое «оморячивание» кадеты прошли, можно сказать, сразу же — летом 1829 года, — когда они познакомились с Невской губой, побывали в Кронштадте. Это было плавание, во время которого Невельской «пощупал руками» настоящий корабль, почувствовал размеренную корабельную жизнь, подышал воздухом Балтики. А по окончании первого кадетского курса практика продолжилась уже на шхунах корпусной парусной эскадры. Кадеты учились морскому делу — вязать морские узлы, ставить и убирать паруса — наравне с матросами. Кронштадт, в котором на каждом углу все было пронизано морем, где запросто можно было поговорить с бывальыми моряками и встретить морских офицеров, благотворно влиял на воспитанников.

В это время внимание моряков было привлечено к завершению плавания военного шлюпа «Сенявин» под командованием опытного моряка и известного полярного исследователя Федора Петровича Литке. Невельской не упускал случая познакомиться с новостями этого плавания, весьма важного в научном отношении. Ведь Литке описал далекую Камчатку и таинственную Чукотку, открыл новые острова в Тихом океане, изучил Каролинский архипелаг, произвел интересные магнитные наблюдения и опыты над качанием маятника в различных уголках Земли. Ему удалось подробно описать многие места Дальнего Востока — это Невельскому было особенно интересно. Как и другие юные моряки, он очень ревниво относился к совершаемым открытиям — а вдруг на их долю ничего не останется, все до них откроют и исследуют. Геннадий старался гнать прочь такие думы. Дальний Восток и Амур все больше овладевали им, входили в его сердце. Тем более что ни Крузенштерн, ни Головнин, ни Литке по разным причинам не дали ответа на загадку Амура и Сахалина. И он с еще большим рвением отдался учебе и чтению.

17 января 1831 года И. Ф. Крузенштерн произвел 37 кадет в гардемарины (оставшиеся 31 человек стали гардемаринами позже, 26 января 1831 года). В приказе по корпусу объявлялось, что «старшинство, в котором они следуют к производству (то есть к присвоению чина. — А. А.) основано на преимуществе балов (баллов. — А. А.) в науках, полученным каждым по всем предметам, и на среднем выводе балов поведения за истекший 1830 год. Таким образом, кто заслужил в

науках и в поведении 8 баллов, тот в общей таблице, из которой выведено их старшинство, получил число 12, составленное из полного числа баллов в науках и половинного в поведении. На сем основании выведено старшинство их по преимуществу познания и поведения, в следующем порядке»⁶.

И первое место в этом списке занимал Геннадий Невельской, у которого средний балл в науках равнялся 8,3, а за поведение — 12, итого — 14,3. Ближайший к нему Афанасий Горьев набрал 13,75 баллов. Замкнул список из 37 кадет, производимых в гардемарины, Всеволод Штенгель, получивший 9,95 баллов. Среди первых гардемарин набора 1829 года оказались также Иван Назимов, Леонтий Гильдебранд, Степан Остелецкий, Василий Розенберг, Андрей Венецианов, Роман Белли, Петр Бессарабский, Михаил Бухвостов, Николай Шульгин, Владимир Рылеев.

Гардемаринская практика в навигацию 1831 года проходила на Балтийском флоте. Невельской попал на корабль «Великий князь Михаил», которым командовал капитан 2-го ранга Ишкарин, а командиром группы от корпуса стал мичман Александр Зеленый. Будущие офицеры отрабатывали приемы морской описи, кораблевождения, астрономических определений, участвовали в артиллерийских учениях, за считанные секунды забирались по вантам и крепили паруса. За три летних месяца (с 26 мая по 20 августа 1831 года) новоиспеченные гардемарины успели повидать новые места. Они продолжительное время находились в Ревеле (Таллинне), посетили новый порт Либаву (Лиенау).

Вместе с Невельским в одной группе плавали Павел Кузнецов, Алексей Бутаков, граф Константин Толстой — отец будущего писателя, автора романа «Князь Серебряный», Петр Бессарабский — с ним Невельскому придется часто встречаться на Дальнем Востоке. В другую группу, проходившую практику на корабле «Эмгейтен», вошли Гавриил Безобразов, Николай Рудаков, Иван Изильметьев — с двумя последними Невельскому также придется иметь дела на Дальнем Востоке и на Тихом океане.

Практика, пролетевшая очень быстро, закалила гардемарин, получивших хорошие навыки в морском деле. Когда они возвратились в стены корпуса, то с усердием принялись за новые предметы, продолжая тщательно следить за морскими новостями. Наряду со специальными предметами, молодые люди много времени отдавали знакомству с историей географических открытий, исследований, которыми

оказалась так насыщена первая треть XIX столетия. Они стали современниками удивительных открытий русских мореплавателей в Тихом, Северном Ледовитом океанах и на крайнем Юге.

Совсем недавно Литке завершил четырехлетние плавание к Новой Земле по Белому и Баренцеву морям, описав северное побережье Кольского полуострова, значительную часть побережья Белого моря, сделав ряд важных открытий на Новой Земле. А немногим ранее замечательные мореплаватели Ф. Ф. Беллинсгаузен — участник первого русского кругосветного плавания и автор первой русской научной описи острова Сахалин, и М. П. Лазарев — будущий преобразователь Черноморского флота, открыли Антарктиду. Одновременно совершалось и плавание М. Н. Васильева и Г. С. Шишмарева на шлюпах «Открытие» и «Благонамеренный» в северную часть Тихого океана и в Чукотское море с намерением пройти северо-западным морским путем, то есть вокруг берегов Северной Америки из Тихого океана в Атлантический. З. И. Панафидин на корабле «Бородино» открыл в Тихом океане острова, получившие названия Бородино и Панафидина; Ф. П. Врангель, Ф. Ф. Матюшкин, П. Ф. Анжу, П. Т. Козьмин, П. И. Ильин и И. А. Бережных в это же время описывали северное побережье Сибири. О. Е. Коцебу во время своих кругосветных плаваний на «Рюрик» и «Предприятии» произвел океанографические исследования некоторых районов Мирового океана, особенно в северной части Тихого океана, открыв там новые острова.

Появились новые описания побережий, морей, островов, подходов к портам — лоции, самые современные атласы и карты. В 1823 году вышел «Атлас всего Балтийского моря» Л. В. Спафарьева, затем был издан «Атлас Южного моря» и описание к нему И. Ф. Крузенштерна, в 1825 году — появилась новая генеральная карта Каспийского моря, в 1826 году М. Ф. Рейнеке завершил опись Лапландского берега, в том же году увидел свет «Атлас северной части Восточного океана» Г. А. Сарычева. Большие и важные исследования провели Ф. П. Литке и офицеры шлюпа «Сенявин» в 1826—1829 годах.

К сожалению, 1831 год оказался и печальным для флота, для Петербурга, по которому прокатилась страшная эпидемия холеры. Умиравших едва успевали хоронить. По городу носились зловещие слухи о новых жертвах, на улицах горели костры, в которых сжигалось все, что хоть как-нибудь соприкасалось с заразой. Холера забрала двух славных русских адмиралов — Гавриила Андреевича Сарычева и Василия Михайловича Головнина...

Все эти, сыпавшиеся на головы гардемарин ошеломляющие новости, не могли оставить их равнодушными. Многие юные головы тревожились о том, что теперь на их долю не достанется никаких открытий. Такие думы приходили и к Невельскому, но он старался гнать их прочь. Нет, для него еще остается «белое пятно» — Амур и Сахалин!

В связи с эпидемией холеры были предприняты оградительные меры и в корпусе, в котором болезнь «скосила» несколько «нижних чинов». Поэтому из корпуса днем никого не выпускали: «Женщины, проживающие в корпусе чиновников (чиновничья прислуга. — А. А.), равномерно (также. — А. А.) не будут выпускаться за ворота после 10-ти часов утра, без билетов от их хозяев». О кадетах же и гардемаринах говорить не приходилось. Впрочем, большая их часть летом, на которое пришлось самая страшная вспышка холеры, находилась в плавании. Поэтому-то в приказе и отмечены лишь случаи смерти «нижних чинов», то есть унтер-офицеров и матросов, служивших в корпусе.

За примерные успехи в учебе и поведении Невельской был произведен в унтер-офицеры. Он преодолел первую ступеньку к офицерскому званию. Морская практика в навигацию 1832 года длилась с 23 мая по 6 августа. Уже в корпусе, являясь старшими гардемаринами, выпускники часто исполняли в нарядах и караулах офицерские обязанности, а во время морской практики они несли самостоятельную вахту под присмотром офицеров. Группой, в которую попал Невельской, командовал все тот же А. Зеленый, ставший лейтенантом. Размещалась группа на корабле «Кульм», которым командовал брат одного из первооткрывателей Антарктиды, капитан 1-го ранга Алексей Петрович Лазарев, совершивший на шлюпе «Ладога» в 1822—1824 годах кругосветное плавание.

На сей раз морская практика проходила в необычных условиях. Дело в том, что русская армия в Польше попала в затруднительное положение. В Данциг (Гданьск. — А. А.) из Кронштадта нужно было доставить сухопутную артиллерию, а обратно в Кронштадт перебросить часть русских войск. Всей этой операцией командовал Федор Петрович Литке, его помощником был Самуил Иванович Мофет. Упоминаем о них специально, потому что с обоими в дальнейшей Невельскому пришлось немало послужить вместе. По окончании операции «Кульм» крейсировал в Финском заливе.

С возвращением в корпус началась подготовка к выпускным экзаменам. В коридорах, учебных классах и спальнях комнатах царило постоянное оживленное возбуждение. В свободные часы Сахарный

двор гудел, как улей — здесь делились последними новостями, обсуждались всевозможные варианты вакансий офицерских должностей. Много разговоров ходило об офицерском классе, в который после окончания корпуса для продолжения учебы будут отбирать самых лучших. (На базе Офицерских классов впоследствии была образована Военно-Морская академия).

Государственные экзамены проводились публично. Вместо умершего Г. А. Сарычева председателем комиссии стал глава Морского Ученого комитета, генерал-лейтенант Иван Логгинович Голенищев-Кутузов. В состав комиссии входили известные ученые, адмиралы, офицеры, такие как геодезист, генерал-лейтенант Ф. Ф. Шуберт, академик А. Я. Купфер, академик П. Н. Фус, Н. И. Греч, А. Я. Кушакевич, инспекторы классов. Так получилось, что уже до сдачи выпускных экзаменов Геннадий Невельской узнал, что ему уготована приятная участь: продолжение учебы в Офицерском классе.

Дело в том, что в связи с решением об образовании класса предreshился и вопрос о его первых слушателях. Естественно, что заранее отбирали тех, кто больше других подавал надежды к научной и высшей командной деятельности. Специальная комиссия выбрала Аникиту Озерского, Павла Кузнецова, Геннадия Невельского, Егора Деденева, Владимира Гильдебрандта, Алексея Бутакова, Алексея Куницкого, Александра Станюковича, Степана Остелецкого и Никифора Глотова. 2 октября 1832 года И. Ф. Крузенштерн подписал приказ, в котором отметил, что «они подают несомненную надежду, что окажутся сего отличия весьма достойными, и я вполне уверен, что и комиссия при предстоящем испытании их в науках усмотрит, что они оправдывают такой выбор начальства».

Но выбор-то выбором и остается, а выпускные экзамены никто для отобранных не отменял — наоборот, кандидаты для продолжения учебы стремились достойно оправдать доверие начальства и пройти испытания как можно лучше. Это же желание владело и теми, кто не вошел в заветную десятку, но мог попасть в нее в случае неуспеха кого-либо из отобранных счастливицков. Экзамены проходили со 2 по 12 декабря и в общем-то подтвердили выбор специальной комиссии. Наш герой, например, получил такие оценки (по двенадцатибалльной системе): Закон Божий — 12, астрономия — 11, навигация — 11, механика — 12, начертательная геометрия — 12, химия — 12, военно-судное право — 12, теория кораблестроения — 11, артиллерия — 11, фортификация — 11, история — 11, алгебра и конические сечения — 10,

продолжалось более трех лет. Здесь изучались высшая математика (дифференциальное и интегральное исчисление), картография, физика, астрономия, механика и вариационное исчисление, корабельная архитектура и теория кораблестроения, фортификация, российская словесность, другие предметы. Среди преподавателей были академики В. Я. Буняковский и М. В. Остроградский, известный кораблестроитель С. И. Бурачек (отец одного из основателей Владивостока Е. С. Бурачека), будущий академик Н. Г. Устрялов.

Но не только учеба занимала все время. Бывали интересные встречи с опытными моряками, известными мореплавателями. Чаще всего они проходили на еженедельных чаепитиях, которые Крузенштерн устраивал для молодых офицеров на своей квартире. Именно в эти годы Невельской стал целенаправленно и углубленно интересоваться Амуром и Сахалином, дальневосточными делами, интерес к которым «подогревал» и сам Крузенштерн. Из его слов выходило, что амурская и сахалинская проблемы не были решены до конца и что осталось большое водное пространство лимана Амура, включая и место предполагаемого перешейка или пролива Сахалина с материком, им не исследованное.

Тогда на всех картах мира Сахалин продолжал изображаться полуостровом, а река Амур — рекой, не имевшей выхода к океану, доступного для морских судов, рекой, теряющей воды в песках, намытых барах своего лимана. А что касается Сахалина, — несмотря на то что на всех старинных чертежах, картах русских мореходов и землепроходцев он изображался неизменно островом, на более поздних картах, начиная с появившихся в результате плаваний Ж. Ф. Лаперуза, У. Р. Браутона и особенно после исследовательских работ И. Ф. Крузенштерна, Сахалин также неизменно представлялся полуостровом, причем, в лучшем случае перешеек показывали «осушкой», то есть знаком, означавшим, что он при отливе высыхает, а при приливе погружается в воду.

На таких вечерах-чаепитиях шли бурные споры о будущем русского военно-морского флота, во всех тонкостях обсуждались перипетии Наваринского сражения и геройские действия командира флагманского корабля «Азов» М. П. Лазарева. Нередко можно было встретить тут же Ф. П. Литке, который писал книгу о своем плавании. Он теперь стал близок ко двору, царь избрал его воспитателем своего сына, великого князя Константина, предназначенного стать главой русского флота. За последние годы, как уже упоминалось, состоялись кругосветные

плавания Ф. П. Литке, В. С. Хромченко, Л. А. Гагемейстера. Ожидали возвращения В. С. Хромченко из второй кругосветки. Все ближе подбиралась мореплаватели Сибирской флотилии и флотилии Российско-Американской компании к местам тайной мечты Невельского. Если П. И. Ильин описал побережье Камчатки от Авачинской бухты до мыса Шипунского, а А. К. Этолин — остров Атту и северные берега Нортובה залива, то П. Т. Козьмин вплотную подошел к лиману Амура, описав Шантарские острова и юго-западную часть Охотского моря, открыв при этом острова Кусова и Прокофьева.

Морская летняя практика слушателей офицерского класса проходила так. Офицеры назначались на корабли не только для приобретения практических навыков в несении корабельной и штурманской службы, но и с определенным кругом заданий, которые они были обязаны выполнить и осенью представить отчеты своим профессорам. В навигацию 1833 года (с 14 июля по 14 сентября) Невельской плавал на кораблях «Прохор», «Иезекиль» и «Помона», которыми командовали соответственно капитаны 1-го ранга Левендаль, Чистяков и Потемкин. Частая смена кораблей в то время практиковалась и была, очевидно, оправдана — офицер должен был знать особенности управления всеми кораблями флота. Плавание и учения проходили в Финском заливе, корабли базировались в Ревеле и Свеаборге (крепости при входе в современный Хельсинки).

В навигацию 1834 года Невельской все время находился на корабле «Кронштадт», входившим в эскадру контр-адмирала Платтера. Командовал им капитан 2-го ранга Замыцкий. Во время этих двух навигаций слушатели наряду с офицерами кораблей выполняли учебно-боевые задачи по управлению кораблем, отработывали методику артиллерийских стрельб. Особое внимание уделялось научной подготовке офицеров, знанию корабельной службы, гидрографическим работам, совершенствованию в иностранных языках, без знания которых морская служба немислима. Последняя практика (навигация 1835 года) проходила на фрегате «Венус» под руководством известного гидрографа Михаила Францевича Рейнеке, близкого друга Павла Степановича Нахимова. Фрегат вначале ходил по маршруту: Выборг — Свеаборг — Ревель — Рига — Гангут, затем возвратился в Выборг. Во время длительного, интересного и разнообразного плавания слушатели отработывали методы гидрографических работ, уделяя особое внимание морской описи, промерным работам и астрономическим определениям.

28 марта 1836 года мичман Невельской успешно сдал экзамены за курс офицерского класса. Ему присвоили чин лейтенанта и назначили туда, куда он и мечтал — в эскадру контр-адмирала Федора Петровича Литке, на корабль «Беллона», под команду Самуила Ивановича Мофета. Но все это произошло чуть позже, а пока по окончании обучения все слушатели получили долгожданный отпуск и разъехались. Достоверно известно, что Геннадий Невельской провел его в родном Дракино и в его окрестностях. Все в его жизни с момента поступления в корпус складывалось хорошо, даже превосходно. Целых семь лет не видел Геннадий родины — целых семь! Уехал мальчиком, а появился мичманом, проучившемся не только в Морском корпусе, но и еще три года на каких-то высших Офицерских курсах. И теперь, после отпуска, ему предстояло производство в лейтенанты. Встречали его все родные, близкие и дальние. Восторгу матери и сестер не было предела.

Из новостей, ожидавших Геннадия были и две важных: Алексей поступил на военную службу, а Мария вышла замуж за кинешемского помещика, капитана 2-го ранга в отставке Павла Антоновича Купреянова. Это замужество связало узами родства семьи Невельских и Купреяновых. Среди последних необходимо отметить брата мужа сестры Ивана Антоновича Купреянова, участника плавания к Антарктиде вместе с Ф. Ф. Беллинсгаузеном и М. П. Лазаревым. Затем И. А. Купреянов долго служил на Дальнем Востоке и целое пятилетие был Главным правителем Российско-Американской компании, то есть хозяином Русской Америки. В дальнейшем пути Купреяновых и Невельских будут часто пересекаться и в Кинешме, и в Петербурге, но чаще всего — на Дальнем Востоке. Вполне возможно, что Невельской съездил и в Кинешму. Дальнейшие события подтверждают это. Но все проходит — закончилось и золотое время отпуска, во время которого матушка поговаривала о невестах, но Геннадий отшучивался, говоря, что моряку жена только в тягость, что жениться надо уже тогда, коль это так необходимо, когда собираешься переходить на берег...

Возвратившись в столицу через два месяца, 28 марта 1836 года, Невельской узнал, что теперь он лейтенант и назначен в эскадру Ф. П. Литке. Невельской, несомненно, был очень доволен, что попал служить под начало прославленного адмирала и мореплавателя, приближенного ко двору. Он понимал, что такое назначение поможет ему в осуществлении своих замыслов. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что на эскадре в течение навигации постоянно находился малолетний великий князь Константин. Под флагом контр-

адмирала Ф. П. Литке находились: флагманский фрегат «Беллона», корвет «Князь Варшавский», бриг «Патрокл», шхуна «Дождь» и тендер «Лебедь».

Сам Геннадий Иванович очень гордился этими годами. Он писал: «Я имел счастье служить с его императорским высочеством с 1836 по 1846 год на фрегатах “Беллона” и “Аврора” и корабле “Ингерманланд”; в продолжении этого времени семь лет был постоянным вахтенным лейтенантом его высочества. При вооружении корабля “Ингерманланд” в Архангельске был помощником его высочества, как старшего офицера. Во все время мы плавали под флагом Ф. П. Литке, а Ф. С. Дутковский был при великом князе».

Действительно, все эти десять лет, важных лет в жизни Невельского, он провел на мостиках флагманских кораблей эскадры: «Беллона», «Князь Варшавский», «Аврора». Разумеется, не нужно ни в коем случае думать, что великий князь Константин был бездарью и сам ничего не понимал или не хотел разбираться в морском деле, — напротив, Константин стал не только самым либеральным членом царской семьи, но и совсем неплохим моряком. Но он-то был в вахте Невельского, и тому нужно было постоянно не только смотреть за высокой царственной особой, но и научить его, минуя Морской корпус, всему тому, что он знал сам — и даже немного больше. Невельской постоянно находился на флагмане, а значит, обучая постоянно Константина, сам постоянно учился у таких опытных моряков, как Литке и Мофет.

Уже первые плавания на «Беллоне» с таким высоким начальством, и с еще более высочайшим подчиненным, Невельской провел с 26 мая по 3 сентября 1836 года, крейсируя, главным образом, в районе острова Борнхольм, и по-прежнему заходя для пополнения запасов и на отдых в Ревель, Свеаборг, Гангут. Зимовала эскадра в Кронштадте. Там же собиралось и большинство флотских балтийских офицеров, которые по установленной очередности ездили в Петербург. К сожалению, не сохранились документы о зимнем времяпрепровождении Невельского в эти годы. Можно догадываться о том, что он навещал родных и знакомых в Петербурге, наверняка бывал у Крузенштерна, помногу и часто сидел за книгами в Морской библиотеке и за картами в Гидрографическом департаменте, осмеливался стучаться к Ф. П. Литке, проводил время в беседах в офицерском собрании, не был чужд балов и веселых холостяцких пирушек.

Флагманским кораблем в плавании 1837 года была «Аврора», а значит, на нем были Литке, Мофет и великий князь Константин.

Следовательно, на Авроре оказался и Невельской, находившийся в одной вахте с великим князем. В плавании эскадры пребывала все лето — до 15 сентября, бывая в знакомых местах Балтийского моря — на острове Готланд, с заходами в Ревель, Балтийский порт и Свеаборг. В течение нескольких лет «Аврора» оставалась флагманом, поэтому у Невельского много воспоминаний связано именно с этим кораблем.

В навигацию 1838 года в составе эскадры находился и недавно вступивший в строй фрегат «Паллада», впоследствии увековеченный писателем И. А. Гончаровым, нашедший свое вечное пристанище на Дальнем Востоке в Императорской гавани (теперь Советской Гавани). Не мог даже и в мыслях своих представить низкорослый, с рябинками на лице, уже начинающий лысеть, юркий, активный, вездесущий лейтенант Невельской, что через полтора десятка лет участь «Паллады» будет решать вместе с другими и он — уже контр-адмирал. Плавание по Балтике, во время которого эскадра заходила в Либаву, на Аландские острова и Свеаборг, завершилось приятной неожиданностью (относительной, хотя, даже когда знаешь и ждешь, то все равно награда приходит неожиданно) в Кронштадте, где Невельской получил свой первый орден — Святого Станислава 4-й степени. Хотя это была обычная награда, дававшаяся в мирное время офицерам за отличную и усердную службу, но Невельской теперь был не просто морской офицер, а «флота лейтенант и кавалер». Это случилось 5 декабря 1838 года. А 25 декабря того же года лейтенант Невельской был переведен в 19-й флотский экипаж, где и состоял на всех видах довольствия, на учете и откуда получал официальные распоряжения о дальнейшем прохождении службы.

Компания 1839 года — с 13 мая по 7 сентября — отличалась от предыдущих тем, что вместо Ф. П. Литке, находившегося в отпуске, эскадрой командовал адмирал Л. П. Гейден. В плавании принял участие начальник Главного Морского Штаба адмирал Александр Сергеевич Меншиков (с ним Невельскому также придется впредь часто иметь дела), внук знаменитого вельможи и баловня Петра I. Плавание продолжалось по-прежнему до острова Готланда с заходом в Виндаву, Свеаборг и Ревель. Возвратившийся из отпуска Литке возглавил эскадру в 1840 году, после чего с 19 мая по 23 сентября Невельской плывал от Кронштадта до Киля с заходами на рейд Копенгагена и в Свеаборг уже под флагами Литке и великого князя Константина.

Интересной стала и навигация 1841 года, длившаяся около пяти месяцев, с 26 апреля по 11 сентября. Эскадра в составе фрегата «Аврора»,

корвета «Князь Варшавский» и брига «Казарский» под флагом Ф. П. Литке посетила Данию и Голландию. В Копенгагене моряки познакомились не только с городом, но и побывали в замке Гельсинор, Фридрихсберге, посетили Адмиралтейство. Во время визита в Исторический картографический архив моряки к своей гордости, радости и всемерному удовольствию обнаружили немало старинных русских карт. В Голландии они совершили путешествие по этой небольшой, но красивой стране: им показали дорогой для каждого русского домик Петра I в Саардаме, моряки побывали в Амстердаме. Во время пребывания в городе Лейдене, Литке с офицерами, среди которых был и Невельской, познакомились с исследователем Японии Ф. Ф. Зибольдом, книга которого вышла незадолго перед этим, и, вероятно, была знакома Невельскому. Год для него завершился вполне благополучно: 6 декабря 1841 года он получил второй орден — Святой Анны 3-й степени.

Следил, и очень ревниво следил Геннадий Невельской за всеми событиями, которые так или иначе проходили до него с Дальнего Востока. Чрезвычайное впечатление произвели на него сведения из книги Зибольда о том, что японцы Могами Токунай и Мамия Риндзоо предприняли лодочные плавания. Причем, якобы на месте помещавшегося на картах перешейка между Сахалином и материком, они нашли воду — во всяком случае, на своих мелкосидящих лодках Риндзоо удалось пробраться с юга в лиман Амура и дойти даже до его устья. Это сообщение, как говорят, еще больше подлило масла в огонь нетерпеливости молодого офицера. Но твердо и уверенно он ждал своего часа. В конце концов, лодка или джонка — это не морской корабль. Она может воспользоваться и приливом, чтобы войти в лиман, но вот чтобы морской транспорт не только вошел в лиман, но чтобы он среди отмелей разыскал в нем судоходные фарватеры, которые привели бы его в устье Амура — вот это цель, это мечта, которой стоило посвятить жизнь. И он читал, искал сочинения, карты, составлял проекты своего будущего путешествия. Был у него и единомышленник, можно сказать, соратник по мечте. Он появится в нашем повествовании чуть позднее.

А пока, по окончании навигации 1842 года, Г. И. Невельской получил отпуск сроком с 15 сентября 1842 по 15 января 1843 года. На сей раз мы достоверно знаем (это подтверждается сохранившимися в Ивановском областном архиве документами), что Невельской не только побывал в Дракино, Солигаличе, Лосеве, Костроме, но пожил некоторое время и в Кинешме. События разворачивались следующим образом.

Как уже упоминалось, его сестра, Мария Ивановна вышла замуж за П. А. Купреянова и переехала жить в Кинешму к мужу. 22 мая 1842 года по договоренности и, наверное, по настоянию матери Ф. Т. Невельской, Мария Ивановна купила имение, в состав которого входили сельцо Аннино, сельцо Симоново, деревни Болобониха, Самохвалово, Мичково и Большое Жажлево.

Вся покупка была оформлена на П. А. Купреянова, М. И. Купреянову (урожденную Невельскую) и Г. И. Невельского. Во время пребывания Г. И. Невельского в Кинешме вместе с матушкой, 9 октября 1842 года был подписан Раздельный акт, о чем имеются подписи супругов Купреяновых и Невельского. По акту лично Невельскому достались сельцо Аннино и деревня Крутово. Фактически же всем имением управляла Мария Ивановна, державшая совет по каждому серьезному делу с матушкой, постоянно жившей неподалеку, в Дракино. Из-за болезни муж М. И. Купреяновой Павел Антонович непосредственно участия в управлении имением не принимал, а об участии Г. И. Невельского в этом можно говорить лишь условно. Матушка Феодосья Тимофеевна, успевавшая хозяйничать в Дракино и в Кинешме, больше всего была обеспокоена тем, что тридцатилетний сынок еще не нашел себе невесту, и она усердно старалась, подыскивая ему милую и крепкую, да с хорошим приданым партию. Геннадий Иванович вновь отшучивался, говоря, что женитьба это дело не морское, что жениться надо, когда выйдешь в отставку, а так как он этого делать не собирается, то, наверное, век вековать останется холостяком.

По возвращении в Петербург, зимой 1842 года, Невельской впервые оказался во время навигации занят береговыми делами: в Архангельске строился новый корабль «Ингерманланд», переводить который в Кронштадт вокруг Скандинавии в числе других офицеров должен был и Невельской с повзрослевшим и ставшим хорошим моряком великим князем Константином. Естественно, что Невельской не терял времени даром, а время-то было уж очень интересное. Повсюду шли разговоры о создании нового флота, носилось много слухов и страстей вокруг паровых машин и винтовых двигателей, об изменении, в случае победы парового флота с его архимедовыми винтами, тактики морского боя. Усиленно передавались сведения об организации якобы в Петербурге под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Русского Географического общества. И слухи эти уже нельзя было назвать слухами, так как исходили они от самого Ф. П. Литке, который усерднее других хлопотал о создании такого общества...

В начале 1844 года Невельской был переведен в 10-й экипаж, который был специально создан для обеспечения спуска на воду и доставку в Кронштадт строившихся в Архангельске кораблей. Достоверных документов на сей счет я не нашел, но полагаю, что верить этому вполне можно. Итак, Невельской назначался старшим помощником на только что построенный корабль «Ингерманланд». Сюда же назначался и великий князь Константин — снова они вместе! Вместе с «Ингерманландом» был спущен на воду и фрегат «Константин». Командиром на «Ингерманланде» стал капитан 2-го ранга С. И. Мофет, а Невельской — вахтенным офицером. Командиром «Константина» был назначен лейтенант Шатилов. Стоит ли говорить о том, что, несмотря на специальное образование и военно-морское воспитание, великий князь Константин не имел достаточного опыта, чтобы выполнять обязанности старшего помощника командира корабля, имея за плечами всего семнадцать лет отроду. Невельской по-прежнему оставался его дублером и опекуном.

Они и в Архангельск отправились вместе. Выехав из Петербурга с Ф. П. Литке и другими офицерами, 13 мая 1844 года они останавливались в Шлиссельбурге (ныне Петрокрепость) и в Лодейном, осмотрели по пути монастырь на острове Коневец. 23 мая офицеры и сопровождающие их нижние чины появились в Архангельске, где очень хорошо знали Ф. П. Литке по его четырехкратным плаваниям к Новой Земле, начинавшимся в этом старинном русском поморском городе. Да и он знал многих: офицеров, корабелов, чиновников, торговцев, промышленников, судостроителей... Прочие офицеры с интересом осматривали Архангельск, знаменитую Соломбалу — пристань и пристанище поморов и нынешних моряков. Ведь Архангельск, основанный в 1637 году на месте старого острога, как порт возник именно в селении Соломбальском, отделенном от Архангельска речкой Кузнечихой. Присутствие великого князя наложило определенный отпечаток на общественную жизнь города, который принарядился к приему высокого гостя — в его честь устраивались балы, на которые были званы все офицеры.

По тем временам «Ингерманланд» был большим парусником: его длина составляла 178, ширина 48 и осадка 19 футов ⁷, водоизмещение достигало 1 371 тонну, вооружение включало 74 пушки. Экипаж корабля насчитывал 745 унтер-офицеров и матросов и 30 офицеров. Пора, наверное, сказать, что употреблявшееся ранее название «корабль» совсем не означает того понятия, какое придается ему в настоящее время,

когда под ним понимается военный корабль в отличие от торгового судна. Ранее это название употреблялось как видовое определение большого морского судна с прямой парусной оснасткой. Позднее, как известно, появилось и название линкор, что означает «линейный корабль».

Подготовка судов в основном завершилась к 29 мая 1844 года, а с 5 июня «Ингерманланд» и «Константин» отошли от причалов — их довооружение, как видно, не заняло много времени. Но зато на рейд корабль и фрегат буксировали долго: восемнадцать дней было затрачено на то, чтобы выбраться из могучей дельты Северной Двины и выйти за бар реки. К тому же мешала противная погода — ветер, сменявшийся туманом по утрам и вечерам. В результате «Ингерманланд» и «Константин» вступили под паруса лишь 24 июня.

Скверная погода сопровождала моряков и в Белом море, и только после прохождения его Горла она улучшилась, развиднелся берег. Литке, знавший в этих местах каждую бухту, каждый мыс и остров, уверенно вел суда вдоль Мурманского побережья — до самой северной точки Европы — мыса Нордкап. Ф. П. Литке и Ф. С. Лутковский использовали не так уж часто предоставлявшуюся возможность побывать в здешних краях — офицеры описывали побережье, хотя близко к нему и не приближались. 10 августа встали на якорь на рейде Копенгагена. Здесь, разумеется, начались всякие официальные, связанные с нахождением на борту великого князя, длившиеся четверо суток. Одновременно чинили паруса, запасали свежую воду, провизию, осматривали город. Затем по нахоженной морской дорожке прошли проливами в Балтику и вскоре, 24 августа, очутились в родном Кронштадте.

Почему-то никто из авторов не хочет отметить такую важную сторону жизни Геннадия Ивановича Невельского, как его связи при дворе. А ведь это имело немаловажное значение и для него лично и, как оказалось впоследствии, для судеб Дальнего Востока, Приамурья, Приморья и Сахалина. Да и сам Невельской — чем больше знакомишься с подробностями его биографии, тем больше удивляешься этому — был настоящим фанатиком своей мечты. Иначе, как можно, например, объяснить такой важный факт его биографии, когда он, будучи рекомендованным командовать большим военным кораблем и тем самым продолжить блестяще начатую придворную и морскую карьеру, отказывается от такого почетного назначения и предпочитает стать командиром небольшого военного транспорта «Байкал», отправлявшегося в Русскую Америку и на Камчатку? Но до этого назначения ему еще

предстояло многое: и в службе, и в привязанностях, и во взглядах, да и в самом подходе Геннадия Невельского к географической науке.

Еще раньше Невельской знал от Литке и Лутковского, что последние с другими моряками, учеными, путешественниками, такими как К. М. Бэр, К. И. Арсеньев, П. И. Еёппен, Ф. П. Врангель хлопочут о создании в стране Географического общества. Но только возвратясь в Петербург, он узнал, что уже написан проект устава общества, что царь дал свое согласие на то, что его формальным председателем должен стать великий князь Константин. Узнал Невельской также о том, что Е. В. Путятин, а за ним и И. Ф. Крузенштерн предлагали правительству свои проекты экспедиций в Китай и в Японию, во время которых мыслилось исследование Амура и его лимана. И он в душе радовался, что проекты эти в то время были отвергнуты. Может быть, и они помогли сделать Невельскому выбор?

Может быть. Но только может быть... Ибо у него имелась давняя, ясная и определенная цель. И хотя нет у нас точных доказательств, но можно говорить и о том, что Невельской и еще один человек давно готовили экспедицию на Амур, в деталях изучили все доступные им материалы, и в меру своих возможностей уже тогда готовили осуществление своих замыслов. Кто же был этим вторым? Звали его Александр Пантелеймонович Баласогло. В годы учебы Невельского в корпусе он преподавал так «шагистику». Как явствует из личного дела Баласогло, он был морским офицером, весьма рано вышел в отставку и поступил на службу в архив Министерства иностранных дел.

Встречались ли они на почве обоюдных дальневосточных интересов в те времена, когда один из них был воспитанником, а другой воспитателем, нам неизвестно. Из личного же дела Баласогло следует, и это известно, по крайней мере, специалистам, что он посещал кружок передовой русской интеллигенции, которым руководил М. В. Петрашевский. В основе политической и экономической программы петрашевцев лежало требование уничтожения феодального крепостнического строя. Кружок посещали Н. А. Спешнев, А. В. Ханьков, Н. А. Момбелли, Н. Я. Данилевский, Ф. М. Достоевский и другие. Входил в это общество и А. П. Баласогло. В апреле 1849 года петрашевцев арестовали, судили, часть из них сослали в Сибирь на каторгу и на поселение, а часть отправили в солдаты. Кроме записки Г. И. Невельского, адресованной одному из членов кружка, в которой говорится о том, чтобы тот пришел по указанному адресу, где будет находиться другой член кружка, ничего в процессе по делу о петрашевцах про нашего

героя не обнаружено. Однако и этого, а также факта его знакомства и встреч с Баласогло оказалось достаточно, чтобы фамилия Невельского фигурировала в списке тех, кто обсуждал проекты освобождения крестьян, замены самодержавия республикой, свободу печати. Но не более. Невельской к процессу петрашевцев не привлекался — и тут, на мой взгляд, несомненно, сказалась близость его к великому князю Константину и его воспитателю — Ф. П. Литке. Что же тогда интересовало Невельского, что заставляло его всякий раз бывая в Петербурге искать встреч с Баласогло? Нетрудно догадаться, что связывающим стержнем их встреч был Амур, и все, что связано с его непростой историей.

Во время пребывания в Петербурге Невельской узнал не только о проектах Путятина и Крузенштерна, но и о предстоящем плавании в Средиземном море, в котором Невельскому предстояло обязательно участвовать. Ведь официальным поводом для плавания были смотрины невесты великого князя — принцессы Александрины. Царь решил, что пора семнадцатилетнего великого князя, будущего руководителя Российского флота, «вывести в свет», показать его Европе. Предстоящее плавание занимало всех: им предстояло увидеть многие страны, побывать в Средиземном море, познакомиться с теми берегами и портами, о которых знали лишь по лоциям, картам, да понаслышке от бывалых моряков.

«Ингерманланд» и «Константин», который также назывался «Князь Варшавский», составлявшие костяк Средиземноморской эскадры, 10 октября 1845 года вышли из Кронштадта в плавание вокруг Европы. В Средиземном море к ним должен был присоединиться корвет «Менелай», переименованный впоследствии в «Оливуцу» — по названию места в Италии, — и занявший впоследствии видное место в истории Дальнего Востока. Флагманским кораблем «Ингерманланд» по-прежнему командовал капитан 1-го ранга С. И. Мофет.

Великий князь Константин и Ф. П. Литке, а также Ф. С. Лутковский и С. И. Мофет прибыли на корабль в тот момент, когда оставалось лишь отдать команду о съёмке с якоря. Они приехали в Кронштадт из Петербурга с исторического заседания, состоявшегося 7 октября 1845 года, когда в большом конференц-зале Академии наук состоялось открытие Императорского Русского Географического общества, на котором его председатель великий князь Константин предоставил слово для вступительной речи вице-председателю Ф. П. Литке, фактически долгие годы руководившему деятельностью общества.

Федор Петрович, в частности, говорил о том, что огромные пространства «России указывают прямо, что главным предметом Русского Географического общества должно быть воздвигание географии России, принимая название географии в обширнейшем его значении».

Командующий эскадрой немедленно официально информировал своих офицеров о создании общества. Все были рады тому, что Литке и Константин возглавили его, а Невельской рассчитывал, что создание общества в какой-то мере поможет осуществлению его мечты. Предстоящее плавание занимало всех — впереди их ждали Пиренейский полуостров, Бискайский залив, Гибралтар, Средиземное море. С заходами в Ревель и Копенгаген эскадра пришла в Англию и встала на рейде порта Плимут. Отсюда моряки совершили поездку в Лондон, побывали в Гринвичской обсерватории и в национальном морском музее, осмотрели достопримечательности британской столицы.

Из Лондона без остановок через Бискайский залив шли до Гибралтара, после чего началось увлекательное плавание-путешествие по Средиземному морю, знакомство с красивейшими уголками земли. Впервые Невельской вступил на землю африканских, итальянских, греческих, французских портов: Палермо, Сиракуз, Мальты, Мессины, Ливорно, Специи, Бахии, Неаполя, Тулона, Алжира. От этих посещений остались память о множестве интересных встреч и уйма впечатлений, заполненные страницы дневников, ворохи сувениров в каютах. В Сиракузах вспомнили погибшего Архимеда, из Неаполя совершили экскурсию на Везувий. Но больше всего моряков, конечно, интересовали корабли, торговое оборудование, маяки, навигационные знаки.

На обратном пути весной 1846 года, не менее интересном, эскадра становилась на якорь в Кадиксе и Лиссабоне. Моряки совершили экскурсию по Лиссабону, присутствовали на официальных приемах, в том числе и у королевы Бразилии. В Лондоне Невельской сопровождал Литке во время визита вице-председателя Императорского Русского Географического общества к президенту Королевского Географического общества Р. И. Мурчисону. Будучи в Копенгагене, моряки совершили поездки в Гаагу, Веймар и Берлин. К сожалению, не сохранилось подробностей пребывания Невельского в этих городах. Я не мог разыскать его писем, относящихся к этому периоду. Несомненно одно — Невельской повсюду знакомился с литературой, материалами, сведениями, относящимися к Дальнему Востоку, к Амуру.

Эскадра возвратилась в Кронштадт 29 июня 1846 года. Невельского, как, впрочем, и других участников плавания, ожидали награды. 15 июля

1846 года Геннадий Иванович стал капитан-лейтенантом и получил денежную награду в размере полугодового жалования. Успех был налицо. Служба шла хорошо и обещала другие отличия. В тридцать три года — капитан-лейтенант и кавалер двух орденов! И это в мирное время. Отныне он имел полное право претендовать на командирскую должность. Он с удовольствием слушал, что для него готовят корабль или фрегат, но в мыслях его носилось все то же: Амур, Дальний Восток, давняя мечта юности «сходить в дальнюю».

Пока суть да дело, Невельской командировался на Черное море — в Севастополь и в Николаев. Ему поручалось осмотреть условия стоянки кораблей в этих портах, оценить оборудование ремонтных мастерских и составить обо всем этом обстоятельный доклад. Невельской справился с поручением, после чего находился в ожидании дальнейших распоряжений и назначения. Возвращение было печальным из-за очень страшной для Невельского новости: в его отсутствие 12 августа 1846 года скончался И. Ф. Крузенштерн, который так много значил в его жизни. Мысленно он уже дал клятву — завершить на Амуре и на Сахалине то, что не успел сделать Иван Федорович, его духовный наставник. Беседы с Федором Петровичем Литке укрепили Невельского в таком решении.

Нам известно, что на первом годичном собрании Русского Географического общества, состоявшемся 29 ноября 1846 года, Невельской встретился с А. П. Баласогло. Единомышленники обсудили план экспедиции. По их замыслу, она должна была состоять из двух отрядов — морского и речного. Речной под командованием Баласогло должен был спуститься по Амuru до лимана. Во время плавания ему надлежало описать реку на всем ее протяжении и наладить добрососедские отношения с местными жителями. В лимане Амуре он должен был встретиться с морским отрядом под командованием Невельского, которому надлежало описать Сахалин, и, самое главное, — окончательно выяснить возможность входа в Амур с юга и с севера с моря. Ему следовало разобраться в том, является ли Сахалин островом, или же все-таки он полуостров, то есть связан перешейком с материком. Они договорились, что весной 1847 года после отпуска Невельского, они встретятся вновь и представят начальству проект предстоящей экспедиции.

Из личного дела Г. И. Невельского точно известно, что он был в отпуске с 15 декабря 1846 года по 15 марта 1847 года. За это время ему пришлось многое пережить и передумать, принять новые решения. Все началось с открытия каких-то совсем неизвестных Невельскому

замыслов, которые вынашивал вместе с другими петрашевцами его старший друг и единомышленник по намечающейся экспедиции на Дальний Восток, Александр Пантелеймонович Баласогло, и которые он никак не мог понять и принять (если он когда-либо был посвящен в тайны кружка). Но это неучастие оказалось чрезвычайно важным обстоятельством, которое окончательно подтолкнуло его к самостоятельным, единоличным и весьма решительным действиям по организации и осуществлению экспедиции на Дальний Восток.

Хлопотным оказался и отпуск, когда сыну крепостников-помещиков, а ныне в какой-то мере либеральному и воспитанному морскому офицеру, пришлось с головой окунуться в помещичьи и семейные дела, занимавшие массу времени и иногда ставившие его в тупик. Находясь в Петербурге и Кронштадте, в частых плаваниях, будучи приближенным к царской семье, Невельской, давным-давно оставивший помещичий быт, подрастерял замашки барина-крепостника.

Все началось с того, что летом 1845 года в реке Бёксе нашли утопленницу — крепостную девушку Анну Никитину, принадлежавшую Ф. Т. Невельской. Дело о самоубийстве замять не удалось, и даже в такой страшный век ему был дан надлежащий ход. В архиве Костромской области до пожара 1982 года сохранялось дело «Об убийстве девки Анны Никитиной» и «Дело по предписанию господина губернатора о жестоком обращении помещицы Невельской со своими людьми».

Приехавшего домой Невельского многое поразило в родных местах. Ему невольно приходилось хлопотать о том, чтобы как-то смягчить участь матери и непосредственно замешанного в том, что Анна Никитина наложила на себя руки, брата Алексея. И хотя в губернском правлении были свои люди, в частности Павел Антонович Купреянов, который на следствии показал, что «теща моя дала Анне Никитиной всего пять ударов розгами», Ф. Т. Невельская и А. И. Невельской 8 октября 1845 года были взяты под стражу.

Собрание дворянских предводителей постановило: «Из показания дворовых людей Солигалической помещицы Невельской, изложенных в доставленной по предписанию его сиятельства господина сенатора, ревизиющего по высочайшему повелению Костромскую губернию, выписке из следственного дела видно, что г-жа Невельская обращается с крепостными своими весьма дурно, не доставляет им достаточного содержания, так что они, терпя голод, принуждены прибегать к помощи посторонних людей, что подтверждено засвидетельствованием соседственных крестьян других владельцев...» В результате «собрание

предводителей и депутатов дворянства положило принадлежащее госпоже Невельской имение взять в опеку».

Ф. Т. Невельская сначала находилась под арестом в Солигаличе, а затем по просьбе дочери была под строгим караулом перевезена в Кинешму. Мария Ивановна и Павел Антонович, бывший уездным кинешемским предводителем дворянства, приняли все меры к тому, чтобы освободить мать на поруки из-под присмотра земского посада. В конечном счете, после очередной просьбы от 7 июля 1846 года Ф. Т. Невельская была освобождена из-под стражи и получила условное наказание «по старости лет».

В этой усадьбе мать Невельского и скончалась, прожив последние годы с дочерью. Впоследствии на ее могиле в ограде Преображенского собора в Кинешме была возложена плита с надписью: «Здесь погребено тело Феодосьи Тимофеевны Невельской, матери адмирала Геннадия Ивановича Невельского, присоединившего к России Амурскую область и остров Сахалин, скончалась 27 июля 1854 года, жития ея было 67 лет». Но все это случилось потом, и мы забежали вперед только ради того, чтобы в этой главе исчерпать тему матери и детей.

Материалы следствия показывают, что Невельской знал об аресте матери, так как когда имение Дракино было отдано в опеку, то во владение им вступили братья Геннадий и Алексей Невельские. Поскольку оба они были людьми военными и не могли сами управлять хозяйством, то Геннадий Иванович прислал распоряжение своему старосте — бургомистру Ивану Иванову — «иметь смотрение» за деревнями Выползовой, Вихаревой и пустошью Малицовой наравне с А. И. Невельским: «Остаюсь барин твой флота лейтенант и кавалер Геннадий Иванович сын Невельской», — такова подлинная подпись на документе.

Доскажем крепостные дела Г. И. Невельского, связанные с сестрой, братом и матерью. Так как в документах не встречаются имена прочих родных, то можно говорить о том, что к этому времени других сестер в живых не осталось. Не имея возможности часто бывать в Кинешме и в Дракино, Невельской доверял матери и сестре управлять своими именьями. Вместе с тем дела Невельского, как мы видели, вел бургомистр И. Иванов. Ф. Т. Невельская, М. И. Купреянова и П. А. Купреянов беспрестанно вмешивались в его распоряжения.

Эти вмешательства привели к тому, что Иванов сбежал в Петербург, где 10 августа 1849 года ухитрился подать царю жалобу: «Помещик мой отставной капитан 2-го ранга Купреянов, Костромской губернии Кинешемского уезда, до того притесняет крестьян своих, что

двенадцать человек вынуждены были бежать. Сорок крестьян в 1846 году ходили в Кострому к Гражданскому губернатору с жалобой на нетерпимое обращение с ними своего господина, но жалоба эта не была удовлетворена справедливо, и он еще более стал притеснять нас. Находясь в угнетении без всяких причин, я не в силах был перенести всего того, что терпел от своего господина, и чтобы в таком жестоком положении моем не посягнуть на собственную жизнь, которая очень тяжка, решил отлучиться из Кинешмы в Санкт-Петербург, чтобы здесь просить справедливой защиты».

После неоднократных случаев жестокости Ф. Т. Невельской по данному делу был дан ход. Министр внутренних дел 6 марта 1850 года предписал военному губернатору и костромскому гражданскому губернатору «принять участие с командированным мною чиновником в расследовании дела о беспорядках, возникших в имениях Купреяновых и Невельского». Расследование было проведено по полной форме и, как и следовало ожидать, виновными оказались крестьяне. В отношении же Невельского костромской вице-губернатор писал: «Флота капитана-лейтенанта мать их, помещица, вопреки данной вотчинному бурмистру Ивану Иванову доверенности, вмешивается в управление имением сына своего и стесняет их произвольными и неправильными распоряжениями».

Невельской до отправления в Амурскую экспедицию появился в Кинешме еще несколько раз, а по ее завершении часто бывал с семьей здесь, а также в своих деревнях Заволжье, Дракино, ездил он и в свои пензенские деревни. Об этом подробно сказано в заключительной главе.

Вернувшись после такого бурного и малоприятного отпуска в Петербург, Невельской весной 1848 года узнал там кучу новостей, первой из которых было известие о переводе С. И. Мофета командиром на фрегат «Паллада». Сама новость, казалось бы, и не была столь новой, если бы ей не предшествовали упорные слухи о том, что сначала на «Палладу» командиром намечался сам Г. И. Невельской. На всякий случай Невельской твердо и определенно просил Ф. П. Литке, а через него великого князя Константина не брать его на сей раз в плавание. Хотя эта семейно-дипломатическая миссия в Великобританию и Голландию и обещала стать весьма интересной.

Начальство вняло просьбам Невельского, когда он раскрыл свои и Баласогло планы, и стал просить назначить его командиром на какой-либо корабль, отправлявшийся на Дальний Восток, на Камчатку, в Русскую Америку. Его оставили на лето в крейсерстве на том же

«Ингерманланде», но на сей раз без великого князя Константина, который стал командиром корвета «Оливуца» (бывший «Менелай»). Невельской очень просил оставить его на Балтике для того, чтобы быть относительно свободным от занятий с великим князем, так как уже заранее знал, что назначается командиром строящегося военного транспорта «Байкал».

Итак, находясь на «Ингерманланде», Невельской мысленно уже был на строящемся транспорте, продумывал планы, возможности, прикидывал, как скорее добраться до Камчатки, когда выйти из Кронштадта, чтобы успеть высвободить себе лето для исследовательских работ в лимане Амура, по крайней мере, три месяца: июнь, июль и август. Исходя из этих сроков, он и строил все свои планы, чтобы прибыть на Камчатку в конце мая, а в начале июня уйти на исследования. Невельской дождался своего часа — он отправляется на Дальний Восток, в Русскую Америку, на Камчатку с Амуром в сердце. Он был уверен, что за время подготовки судна и перехода вокруг света Александру Пантелеймоновичу Баласогло удастся преодолеть рогатки Министерства иностранных дел и организовать из Сретенска или Нерчинска сплав по Амуру. Как все интересно, ново, заманчиво! Близится осуществление мечты всей жизни Невельского!

ГЛАВА 2. ОТКРЫТИЯ ПОДТВЕРДИЛИ ЗАБЫТОЕ

21 августа 1848 года транспорт «Байкал» под военным флагом и под командованием капитан-лейтенанта Геннадия Ивановича Невельского ушел в плавание из родного Кронштадта. Он направлялся в Камчатку, располагая пройти вокруг мыса Горн, то есть по Атлантическому и Тихому океанам. Прошедший год с небольшим стал периодом высшего подъема в деятельности Невельского. Никогда до сих пор он так не работал, так не волновался. И уж как он был признателен Литке — нет слов. Ведь именно он сумел сделать так, что вместо Невельского, которому прочили придворную карьеру и готовили в командование одним из лучших фрегатов того времени — «Палладой», все это перешло к Мофету. А Геннадий Иванович за оказанную услугу обещал Федору Петровичу Литке окончательно разрешить Амурский вопрос.

Но назначение командиром военного транспорта «Байкал», с одной стороны, приближало Невельского к осуществлению его мечты, а с другой — требовало огромного распорядительного мастерства, опыта, большой напряженности, правильной организации времени. Правда, нужно отметить и некое благоприятное стечение обстоятельств, сыгравших, в конечном счете, в пользу Невельского. О некоторых из них мы уже говорили: это личные черты его характера: преданность делу и глубочайшая вера в него. Но сказались и другие причины, такие как совместная служба с Константином, хорошие отношения с Ф. П. Литке, а через него и с начальником главного морского штаба А. С. Меншиковым. И, наконец, основной фактор, решивший, в конце концов, не только назначение Невельского в это плавание, но и разрешивший ему проводить исследования в данном районе. А сделать это было в то время отнюдь не так просто.

В самом начале книги я попытался немного рассказать об историко-географической обстановке на Дальнем Востоке, сложившейся к началу деятельности там Г. И. Невельского и А. П. Баласогло. Теперь же, читатель, тебе совершенно необходимо прочитать несколько следующих страниц — тогда станет ясно, почему Невельскому больше, чем кому-либо из путешественников и мореплавателей в нашей стране, да, пожалуй, и во всем мире, поставлено памятников. Таким решающим фактором стало назначение в 1847 году на пост генерал-губернатора Восточной Сибири молодого боевого генерала Николая